

Журнал издается по благословию
Высокопреосвященного Евгения,
архиепископа Верейского,
ректора Московской духовной
академии

Главный редактор

иеромонах Петр (Еремеев)

Заместитель

главного редактора

посл. Георгий Караман

Выпускающий редактор

Петр Королев

Редакционный совет:

Антон Глозман

Николай Солодов

Константин Юдин

Верстка

Павел Галушко

Набор и корректура

Ольга Некрашевич

Юлия Орлинекова

Таисия Галицкая

Фото

Владимир Погодин

Адрес редакции

141300, Московская обл.,

Сергиев Посад, Лавра, МДАиС

Тел.: (09654) 4 12 18

Факс: (095) 742 44 04

<http://www.mpda.ru>

<http://vstrecha.uchkom.ru>

e-mail: vstrecha_mpda@mail.ru

Издание зарегистрировано

Комитетом РФ по печати

Свидетельство о регистрации

№ 017290 от 6 марта 1998 г.

Подписано в печать 15.09.2004 г.

Формат 60x90 1/8. Бумага офс. № 1

Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2. Зак.

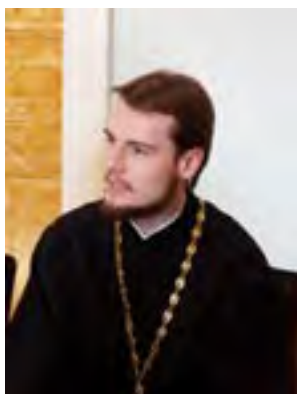
Оригинал-макет изготовлен редакцией
журнала «Встреча»

Отпечатано в «Полиграф-Мастер»

Москва, Старопетровский пр-д, д.7а

ВСТРЕЧА 2004 • 2(18)

**Ежеквартальный студенческий православный журнал
Московской духовной академии**

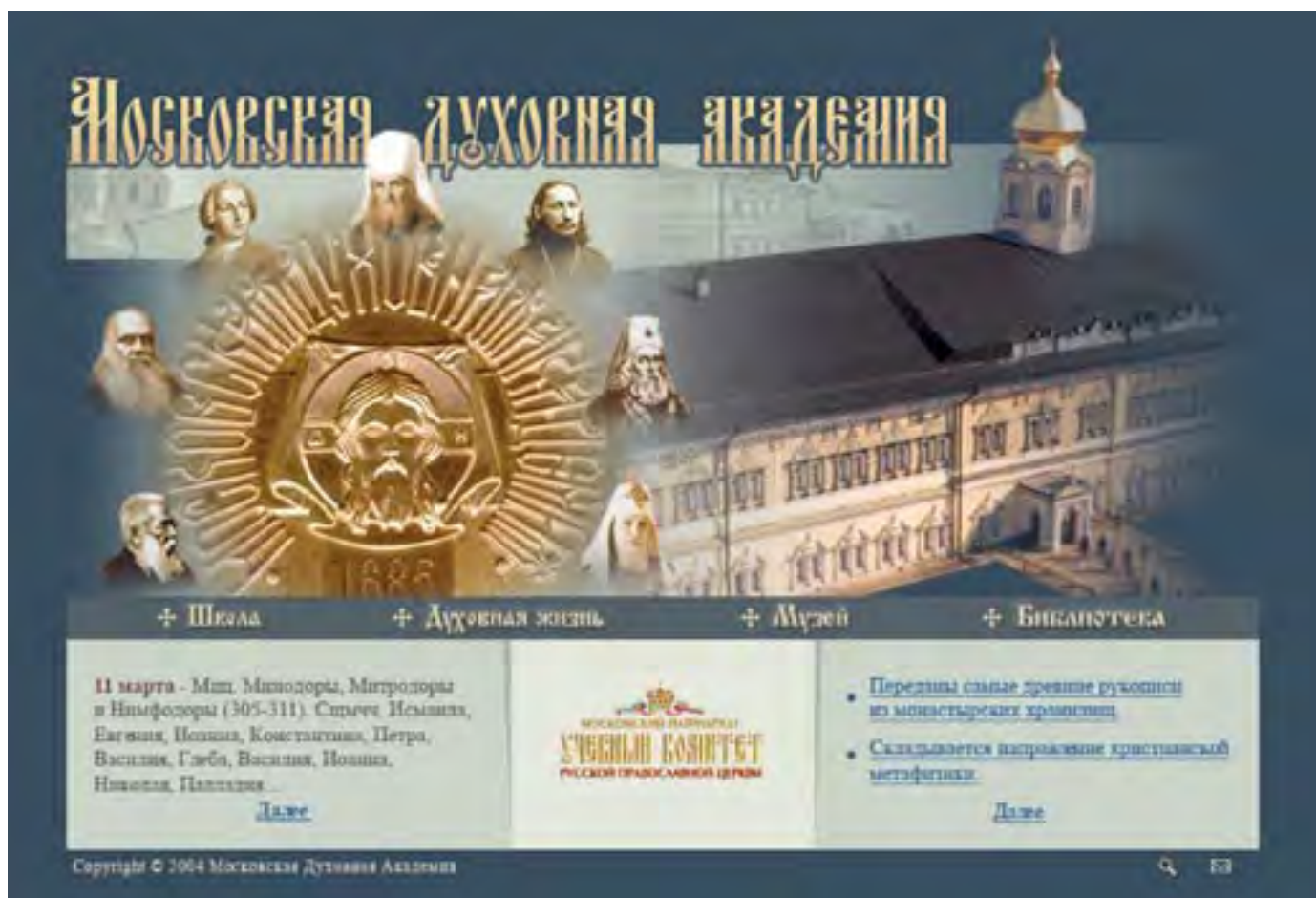
Всякий раз, направляясь в Академию, мы проходим под небольшой старинной аркой, на которой изображена дата — 1814 год. Эта надпись напоминает нам о событиях 190-летней давности, когда с переводом Московской духовной академии из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру начался новый период в жизни старейшей высшей школы России. С тех пор судьбы Академии и Лавры были сплетены неразрывной нитью.

Празднуя в 1964 году 150-летие пребывания Школы в Лавре, тогда еще в советскую эпоху, наши почтенные учителя могли говорить только о ее богатой истории. Теперь мы живем в «другой» стране, нас окружает уже другой мир: происходит возрождение церковной жизни и признание государством богословской науки и образования уже кажется весьма реальной перспективой. Поэтому сегодня скромный юбилей Академии имеет для нас уже несколько иное значение.

Обращаясь к истории, сегодня мы дерзновенно, с большой надеждой смотрим в будущее. Великое прошлое *alma mater*, реально ощутимые вековые традиции дают всем нам — учащим и учащимся — решимость и силу. В них мы видим залог успешного развития Академии, они укрепляют нас на пути решения тех сложных вопросов, которые ставит перед нами жизнь.

В образовательном пространстве России сегодня четко выделяется сегмент богословского или — используя принятый в светских кругах термин — теологического образования. Академии важно определить свое место на формирующемся национальном образовательном поле. Для этого не достаточно просто апеллировать к богатой истории — нужны серьезные, убедительные аргументы. И от того, насколько успешно мы сможем сочетать верность традициям своей Школы с новизной подходов и нетривиальностью богословского мышления, зависит сегодня будущее Академии и богословской науки.

*Главный редактор,
проректор Московской духовной академии
иеромонах Петр (Еремеев)*

На страницах сайта Вы найдете не только историю и современные сведения об Академии, ее профессорах и выпускниках, но также полную информацию о деятельности академических кафедр, структурных подразделений Академии: Семинарии, Регентской и Иконописной школ, специализированных научных кабинетов и отделов.

Посетители сайта могут узнать последние новости о жизни МДАиС, прочитать научные работы профессорско-преподавательского состава, выпускников Академии и Семинарии, оценить качество студенческих сочинений и проповедей, а также познакомиться с уникальной экспозицией из собрания Церковно-археологического кабинета и студенческими фотозарисовками.

www.mpda.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКАДЕМИЯ У ТРОИЦЫ

Интервью с ректором МДАиС архиепископом Верейским Евгением 4

МЫСЛИ В ПРЕДВЕРИИ ЮБИЛЕЯ

Размышления преподавателей Академии и насельников Лавры 7

ТОТ БОГОСЛОВ, КТО ЧИСТО МОЛИТСЯ

Интервью с наместником Троице-Сергиевой Лавры
епископом Сергиево-Посадским Феогностом 12

ОТ ГРЕКОВ ДО «ВАРЯГ»

Страницы летописи от основания Академии до наших дней
Константин Юдин 15

ИСХОДЯЩИЕ — ВХОДЯЩИМ

Выпускники-2004 об alma mater 25

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ И АКАДЕМИЯ

Константин Беляев 28

АКАДЕМИЯ В ЛИЦАХ

Профессор К.Е. Скурат: воспоминания о детстве 30

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ОНТОЛОГИЗМА

Философская школа МДА
Николай Солодов 36

ФИЛОСОФИЯ В АКАДЕМИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Беседа с профессором МДА Н.К. Гаврюшиным 40

ПУТЬ КРЕСТНОЙ СЛАВЫ

Новомученик Иоанн Попов, профессор патристики 42

АКАДЕМИЯ СЕГОДНЯ

Кафедральная работа 48

Регентская школа 50

Иконописная школа 52

Греческий кабинет 54

Миссионерский отдел 56

Отдел тюремного служения 58

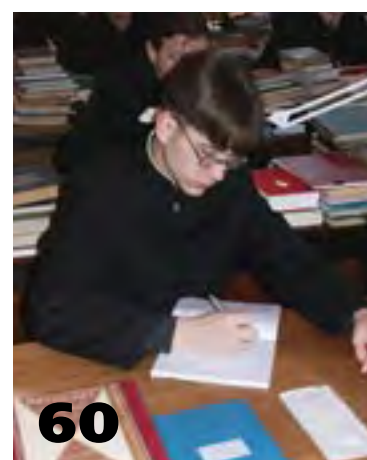
Студенческий совет 59

Один день из жизни семинариста 60

ЛЕТОПИСЬ

АКАДЕМИЯ 62

Слова и музыка архидиакона Романа (Тамберга) 64

На 1-й и 4-й стр. обложки: Лавра и Академия. Фото Владимира Погодина. На 2-й стр. обложки: Б. Мухин. Профессора и преподаватели МДА (фрагмент; 1970 год). На 3-й стр. обложки: Академия в лицах. Фото Петра Касаткина.

При использовании материалов ссылка на «Встречу» обязательна. Редакция будет рада любому сотрудничеству, особенно со студентами.

Редакция благодарит преподавателей и студентов Московских духовных школ, участвовавших в подготовке этого номера.

АКАДЕМИЯ У ТРОИЦЫ

Интервью с ректором Московской духовной академии архиепископом Верейским Евгением

Ваше Высокопреосвященство, в этом году исполняется 190 лет пребывания Московской духовной академии в стенах Троице-Сергиевой Лавры. В течение этого времени монастырь и Академия находились в непрерывном общении. Какие особенные моменты во взаимоотношениях Лавры и Академии Вы могли бы выделить?

Для Академии, именно как духовной школы, воспитание студентов и духовная жизнь преподавателей всегда были и остаются важнейшими составляющими ее внутреннего уклада. Сейчас очень много полемизируют о судьбах богословского образования в России. В частности, высказывается такая точка зрения, что будущее исключительно за теологическим университетским образованием. Но это пока еще вопрос открытый, а Академия, имея более чем трехсотлетний опыт, может свидетельствовать, что только синтез духовной жизни и богословского знания может обеспечить устойчивое развитие богословия.

Символом этого синтеза, его воплощением, является для нас святитель Московский Филарет (Дроздов). Он принял постриг в Троице-Сергиевой Лавре и думал, что всю свою жизнь проведет как гробовой монах у мощей преподобного Сергия. Но Господь судил иначе и поставил его на кафедру Московских первосвятителей. В течение всей своей жизни святитель Филарет уделял огромное внимание как Московской академии, так и Лавре, в стенах которой она

На богослужении в Покровском Академическом храме

находится. Наместник Лавры того времени архимандрит Антоний (Медведев), ректоры Духовной академии архимандриты Сергей (Ляпидевский) и Савва (Тихомиров), протоиерей Александр Горский и другие под руководством мудрого святителя всегда жили в осознании единства идеала христианской жизни, который поистине является единым для монахов и мирян, для богословов и для тех, кто не постигал премудростей богословской науки. Это, на мой взгляд, и есть самое важное достоинство совместного пребывания монастыря и духовной школы в «большой келье преподобного Сергия». В целом и по сей день мы стараемся сохранить тот духовный настрой, который был задан великим святителем еще в первой половине XIX века.

Насколько и в чем, на Ваш взгляд, современная Академия отличается от той дореволюционной школы, преемницей которой она является?

Конечно, современное учебное заведение — и не только духовное — не может, да и не должно быть копией дореволюционного. Если говорить конкретно о нашей Академии, не будем забывать, что до революции здесь было множество проб-

лем, которых при всей сложности нашей сегодняшней жизни нам все-таки удастся избежать.

Эти проблемы были связаны, главным образом, с узко-сословным характером нашего общества в ту эпоху. Среди прочих существовало и так называемое духовное сословие, в ведении которого находилась церковная жизнь, включая сферу богословского образования. Исключения были единичными, но и они, как говорится, являлись лишь подтверждением общего правила: как войти в духовное сословие, так и выйти из него было практически невозможно. Это порождало такую ситуацию, что многие дети духовенства шли в семинарии и академии потому лишь, что у них не было альтернативы — поступать в гимназии или светские учебные заведения они попросту не имели права. Против этой практики выступал в свое время святитель Филарет, говоря, что «невольник не богомольник», но даже он в те годы изменить ситуацию коренным образом не мог. Это и была одна из главных причин того, что духовные школы становились рассадниками революционных настроений, а против представителей администрации совершались даже чудовищные преступления.

Но, как и в любой ситуации, при существовавшей тогда системе были и свои плюсы. Так, например, семинарию заканчивали в 18–19 лет, в 23–24 года многие уже оканчивали академию и наиболее способные к этому времени успевали написать и защитить магистерские диссертации. В 24–25 лет становились доцентами, к 30 годам профессорами. В те годы это было абсолютно нормальным явлением. Сегодня наши студенты старше. Это уже, по сути дела, взрослые, сформировавшиеся люди. Некоторые приходят уже женатыми, а вынуждены зубрить элементарные правила церковно-славянского языка и латыни, которые им нигде не преподавали, им приходится выполнять предписания администрации, ориентированные, главным образом, на совсем молодых людей, которых еще, к сожалению, нужно приучать к порядку и дисциплине. Так что во всякой ситуации есть свои плюсы и минусы, и мы в своей деятельности, конечно, ориентируемся на научные достижения дореволюционной школы, но стараемся не упускать из виду и тех положительных принципов, которые установились в послевоенный период бытия нашей школы.

Каково значение Московских духовных школ для Русской Православной Церкви сегодня?

Себя хвалить, конечно, неудобно. Возьмите для примера календарь Московской Патриархии и посмотрите: приблизительно две трети архиереев Московского патриархата — выпускники нашей Академии. Таким образом, ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. Помимо того, что Академия является научно-богословским центром, она — кузница кадров нашей Церкви.

Архиереи — это, конечно, вершина айсберга, а сколько священников, выпускников нашей школы, трудится в епархиях на приходах, сколько работает в различных церковных отделах и структурах, наверно, никто не считал. Но, будьте уверены, куда бы вы ни пришли, в какую бы самую от-

даленную епархию ни приехали, вы обязательно встретите выпускника Академии у Троицы. Еще раз хочу подчеркнуть, что для нашей Церкви жизненно важно, чтобы на самых ответственных поприщах церковного служения находились богословски образованные люди, знающие церковную жизнь не понаслышке, а имеющие собственный опыт духовной жизни.

Мы ни в коем случае не должны допустить таких ситуаций, которые, к сожалению, уже возникают за рубежом, когда «богословски образованные» — специально беру в кавычки эти слова — миряне, прикрываясь своими дипломами, выдвигают совершенно недопустимые с церковной точки зрения идеи, считая, что как богословы они компетентны решать сложнейшие вопросы церковной жизни. Так, например, во Франции и в Англии есть такие, с позволения сказать, «православные» богословы, которые ратуют за введение женского священства. То, что их аргументация полностью заимствована у протестантов, они даже не замечают, потому что эти различия становятся очевидны только человеку, укорененному по образу своей жизни и мысли в традиции Православия.

Как Вы оцениваете положение и перспективы научной школы Академии в международном научном сообществе?

Думаю, что сегодняшнее положение Московской академии среди зарубежных богословских школ — как православных, так и инославных — не соответствует тому потенциалу, который со всеми оговорками у нас все же велик. Иными словами, нам еще предстоит сделать очень многое, чтобы научиться реализовывать те силы и таланты, которыми, безусловно, мы располагаем. И в этой связи хотел бы обратить особое внимание на то, что важнейшим условием реализации этого потенциала является возвращение молодых талантов, которое возможно лишь при наличии школы не только как административно-учебной единицы,

а именно как научной школы. Именно такая школа предполагает процесс постепенной передачи знаний и опыта от учителя к ученику. В светских вузах этим занимаются на кафедрах — это, по сути, и есть их главное предназначение. Не только проводить заседания и писать бесчисленные отчеты, а именно организовать работу с теми студентами, которые способны в научном плане развиваться в той или иной области — именно в этом и заключается суть кафедральной работы. Пока организация реальной работы кафедр находится у нас на начальном этапе, но важно хотя бы определить направление этой деятельности. Очень хотелось бы, чтобы уже в ближайшее время кафедры заработали в полную силу.

Какова роль научной подготовки в формировании будущих пастырей?

Роль эта очень велика. В свое время выдающийся русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов, выпускник нашей школы, которая тогда именовалась Славяно-греко-латинской академией, говорил: «Математику затем учить надобно, что она ум в порядок приводит». Сейчас у нас не изучается математика, — хотя в XIX веке такой предмет преподавался, — но то, что нашим студентам в процессе обучения «ум нужно привести в порядок», — совершенно очевидно. В тропаре праздника Рождества Христова содержится мысль о том, что благодаря рождению в мир Спасителя, людям воссиял «свет разума», то есть человечеству открылась возможность разумного богопознания на основании как Божественного откровения, так и естественного хода вещей. Это говорит о том, что вера, не освещенная светом разума, может обернуться суеверием или обрядоверием. К сожалению, многочисленные случаи из современной жизни свидетельствуют об этом. Поэтому будущим пастырям важно усвоить хотя бы самые основные принципы логического мышления, а именно этому и способствует научная подготовка.

Перед Вашими глазами проходят судьбы множества воспитанников, окончивших МДАиС во время Вашего руководства. Что ждет современный мир от выпускников нашей школы, чем их встречает? Какой совет Вы могли бы дать нынешним выпускникам Академии и Семинарии?

Не буду, наверное, оригинальным, если скажу, что современная Россия смотрит на выпускников нашей школы не просто с большой — с огромной надеждой. Один из современных российских политологов, ратующих за усиление роли Церкви в жизни нашего общества, на вопрос, не боится ли он клерикализации общества, если оно пойдет по пути более тесного сближения с Церковью, ответил, что он не только не боится этого, но даже считает, что это было бы на современном этапе очень полезно. Политолог, прекрасно разбирающийся в тонкостях политической жизни, но, видимо, далекий от реальной жизни Церкви, увидел ситуацию глазами стороннего наблюдателя и, наверное, не смог посмотреть на нее изнутри, чтобы задать один простой вопрос: а насколько наша Церковь сейчас способна ответить на вызов современного общества? Представьте себе на минуту, если вдруг нам дадут сейчас неограниченные возможности использовать теле- и радиоканалы, газеты, интернет, если нас пустят преподавать в среднюю и высшую школу, словом, дадут реальную возможность воздействовать на ситуацию в стране — сможем ли мы воспользоваться этим шансом? Скажу откровенно, мне кажется, что пока мы неспособны использовать такой шанс в полной мере. Может быть, поэтому Господь нам пока и не дает его?

Так вот, мой совет вам, дорогие студенты и выпускники, — учитесь и используйте ваше пребывание в духовной школе таким образом, чтобы в случае, если представится возможность сделать что-то реальное на благо Церкви и Отечества, вы смогли бы использовать его в полной мере. А дать нам эту возможность или не дать — предоставьте решать Богу.

МЫСЛИ В ПРЕДДВЕРИИ ЮБИЛЕЯ

Своими размышлениями по поводу 190-летия пребывания Московской духовной академии в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры с читателями нашего журнала делятся насельники Лавры и преподаватели Академии.

**Профессор
Михаил Степанович
ИВАНОВ,
проректор МДАиС
по учебной работе**

190 лет назад преподобный Сергей принял в число своих учеников преподавателей и студентов Московской духовной академии. С тех пор фактор пребывания высшей богословской школы в стенах знаменитой обители стал определяющим для многих сторон академической жизни. Когда размышляют о влиянии Троице-Сергиевой Лавры на Академию, то чаще всего имеют в виду одну и ту же сторону этой жизни — процесс воспитания студентов. Духовное становление учащихся действительно проходит под несомненным воздействием благодатной атмосферы, царящей в обители преподобного Сергея. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что Лавра Сергиева вырастила целый сонм не только архиереев, настоятелей монастырей — подлинных носителей духа монашества, знаменитых пастырей — но и церковных ученых, известных профессоров, подвижников богословской науки. Впрочем, воспитанием последних не ограничивается духовное воздействие на них Игумена земли Русской и основанной им обители. Оно находит свое продолжение и в их богословском творчестве. Пребывая в послушании у тайнозрителя Пресвятой Троицы, Московская духовная академия тем самым становится причастной к созерцанию тайны Божественного

бытия, которое открывает себя через природное единство и ипостасную троичность в Боге и проявляется в тварном мире. Среди тех, кто неоднократно упоминал об этой причастности, следует назвать священника Павла Флоренского, который всегда подчеркивал, что опытное богословие и богосозерцание как раз и является конечной целью подлинного богословия. Памятниками творческого пути богословов, проходивших свое становление и развитие под благодатным покровом Живоначальной Троицы, стали многие научно-исследовательские труды, посвященные как православному богословию вообще, так и троическому в частности. Пребыванием Академии в Троице-Сергиевой Лавре объясняется и тот факт, что преподаватели и студенты всегда проявляют повышенный интерес к природе подлинной духовности, к вопросам христианской нравственности, к аскетическому учению Церкви, к проблемам пастырского служения, что находит отражение в их курсовых сочинениях, дипломных работах и кандидатских диссертациях.

**Священник
Владимир
ШМАЛИЙ,
проректор МДАиС
по научной работе**

В этом году мы празднуем 190-летие переезда Московской духовной академии в Лавру. Что такое Троице-Сергиева Лавра для нас и для России в целом?

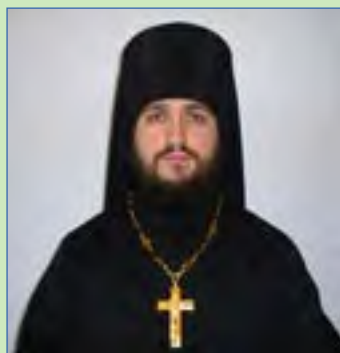
По словам отца Павла Флоренского, это — «мистическое и метафизическое средоточие России». Здесь решались и решаются судьбы страны, являя, что человеческая история вершится прежде всего в духовной сфере.

1814 год связан с Отечественной войной, с завершением определенного этапа взаимодействия с европейской культурой. В то время в России начинается «брожение умов», недолго остается до революционных настроений. Русская мысль становится полноправным участником мысли европейской, тогда как отечественное богословие находится в «западном пленении», характеризуется схоластикой, отвлеченностью, оторванностью от духовных традиций Православия. В наших богословских учебниках, написанных и преподаваемых по-латыни, повторяются положения католической схоластики, чуть позже — протестантской.

Переезд Академии лично мне представляется знаком возвращения к корням, возвращения повзрослевшей русской богословской мысли на свою духовную родину. Святоотеческие корни — это не книжки, а тот духовный опыт, которым, прежде всего, живут монашествующие, который сохранялся и поныне сохраняется в Троице-Сергиевой Лавре.

Конечно, нельзя сказать, что уже в 1814 году произошло возвращение к корням, но началось оно именно тогда. Трудami святителя Филарета Московского, немало потрудившегося для укрепления как церковной науки в Академии, так и монашеской жизни в Лавре, трудами многих наших прославленных богословов и преподавателей Московская духовная школа в последнюю треть XIX века приобретает цветущий вид. Начинут переводиться творения святых отцов, формируется ученое монашество. Даже переводные западные источники осваиваются критически, перерабатываются в том духе, которым живет Вселенское Православие. Все это — благодатные плоды пребывания Академии в Лавре. Здесь и учащиеся, и преподаватели живут особым ритмом — ритмом лаврской жизни, которая строится по монашескому литургическому уставу, в которой все ясно и твердо. Здесь даже полная погруженность в образовательный процесс не отвлекает от внутренней работы, а скорее заставляет человека действовать в соответствии с духовными традициями Церкви. Безусловно, этому немало способствует и мистическая поддержка преподобного Сергия.

Как бы то ни было, прежде всего необходимо осмыслить прошедшие 190 лет. То, что я говорил о мистико-символическом значении, является лишь внутренним ощущением, интуицией. Но сейчас необходимы серьезные научно-исторические работы, которые бы показали плоды пребывания Академии в Лавре: как, на примере судеб преподавателей, переплеталась академическая работа и благочестие, которым жил монастырь, как пребывание в Лавре позволяло видеть переживаемые Россией события в особой перспективе — в перспективе духовной.

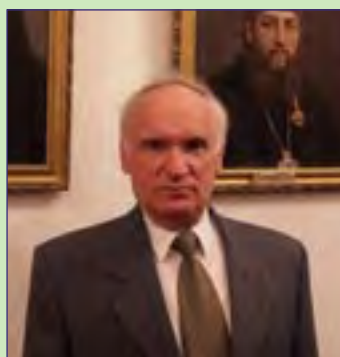
**Иеромонах
ВАССИАН
(Змеев),
проректор МДАиС
по воспитательной
работе**

Большое видится на расстоянии. 190 лет — это достаточно длительный период, чтобы осмыслить исторический путь, который прошла Академия, пребывая в Троице-Сергиевой Лавре — одном из древнейших монастырей России. Безусловно, это благодатное соседство оказало огромное влияние на характер и традиции нашей духовной школы. Без малого два столетия богословская школа получает духовное окормление в монастыре аввы Сергия. Нас объединяет общая история, которой мы, без сомнения, должны дорожить. Даже годы лихолетий не смогли разлучить нас.

Если выразить в нескольких словах, какое значение имеет Лавра для Академии, то я бы сказал, что Академия у Троицы — это гармоничное сочетание знания и благочестия, органичное единство двух важных начал — интеллектуального и духовного, которые подняли русскую богословскую школу на высокий уровень.

Для Академии Лавра — не только удобное место для занятий богословскими науками вдали от мирской суеты, но, в первую очередь, это центр монашеской жизни, обитель, созданная трудами и молитвами преподобного Сергия Радонежского, в которой богословское образование наполняется внутренней силой.

От нас требуется осознать и осмыслить то богатое духовное наследие, которое приобрела Академия, находясь в Лавре, и постараться умножить его, сохраняя те традиции, благодаря которым сложился тот неповторимый характер духовного образования, который определяет сущность нашей Школы.

**Алексей Ильич
ОСИПОВ,
профессор МДАиС**

Первое, что хотелось бы отметить, это то, что идея пребывания Духовных школ в стенах Лавры — прекрасная идея. К сожалению, наше богословское образова-

ние приобретает со временем все более отвлеченно-теоретический характер. А ведь мы должны понять одну простую вещь: Христос пришел с одной единственной целью — ради спасения людей; Церковь установлена с той же единственной целью. И все богословское образование должно быть направлено на то, чтобы помочь человеку на этом пути спасения, на изучение этого пути, критериев его истинности, возможных ошибок и уклонений, которые могут на нем произойти. То есть задача богословия не является чисто отвлеченной и научной, она имеет глубоко практический характер.

В чем состоит эта практика? В понимании духовной жизни. Пребывание школы в стенах монастыря дает возможность и учащим, и учащимся постоянно иметь перед собою то духовное, о чем должно более всего говорить, чему более всего нужно научать, что прежде всего необходимо изучать.

Монашество дает человеку наибольшие возможности для осуществления духовной жизни, а богословская школа своей целью имеет теоретическое изучение ее основ. Прежде всего, догматическая система является своего рода каркасом, на котором создается духовная жизнь. Но теоретические знания сами по себе не воспитывают человека, это всем понятно. А вот изучение основ духовной жизни, преемство опыта, обращение к людям, имеющим определенный духовный опыт — все это дает человеку возможность более верного понимания христианства, задач и целей самого богословия.

Тот факт, что школа находится здесь, благотворно действует на студентов, которые имеют истинную веру, истинное желание быть христианами. Даже само посещение мощей преподобного Сергия, Лаврских храмов дает многое для души, освежает, настраивает ее на должный лад, если не превращать это в формальность — ведь все можно опорочить, все можно испортить. К сожалению, наша земная действительность далеко не всегда соответствует тому идеалу, который хотелось бы нам иметь. И монашество тоже подчинено этому закону тления. Но что же? Перед нами открывается возможность оттачивать и вкус, и понимание, находить правильный образ жизни.

Я здесь уже с начала 60-х, и вижу, что люди меняются, как меняется и весь мир. О духовной стороне студентов я судить не могу, помыслы свои они мне не открывают. А о внешней стороне скажу, что с тех пор, как ввели вступительные экзамены в Академию, уровень способностей студентов Академии значительно изменился в лучшую сторону. Раньше очень часто сталкивались с ситуациями весьма печальными, когда человек без всяких способностей, но хорошо исполнявший те или другие послушания, принимался в Академию. Сейчас ситуация заметно изменилась к лучшему.

**Священник
Павел
ВЕЛИКАНОВ,
секретарь Ученого
Совета МДАиС**

Вспоминается один случай. Во время моей учебы в Семинарии один из друзей-однокурсников перешел в братию Лавры. Прошло достаточно времени, несколько месяцев, может и год, и как-то он произнес: «Перелом в жизни, когда я стал лаврским послушником, был значительно легче той внутренней борьбы, которая шла первое время учебы в Семинарии, когда мир пытался взять реванш». Мне кажется, это прекрасное свидетельство глубинного духовного единства Академии и Лавры, а с другой стороны — различия в служении неодинаковых членов, но членов единого Тела Христова.

Мы неодинаковы — и это замечательно! В этой непохожести раскрывается красота христианской свободы во внешнем при единстве в главном. Постоянное общение между Лаврой и Академией, участие студентов в различающихся между собой академических и монастырских службах — все это дает и монастырю, и Духовной школе возможность избежать соблазна превратиться в «харизматическую» или «апокалиптическую», «как бы православную» секту, с раздражением взирающую на все, что не по ее уставу или «нраву».

Когда человек из мира приходит в Церковь, ему очень хотелось бы видеть все черно-белым, а здесь, в Лавре и Академии, он обнаруживает, что, оказывается, Православие не ограничивается рамками его прихода и воззрениями его батюшки, да и сама христианская жизнь — не полосатая и не монохромная, а цветная, со множеством не то что оттенков, но еще и объемов, и звучаний. И это многокрасочье сплетается в дивный узор Христова хитона — Церкви, хитона единого и неделимого.

Умение видеть главное среди разнообразного, отличать подлинное от кажущегося, а самое важное — умение не растерять Христа Спасителя, иметь мужество не «разбавлять христианство водичкой» — вот, как мне видится, то, что должно прежде всего отличать студентов Московских духовных школ, пребывающих в обители преподобного Сергия.

**Архимандрит
ПАВЕЛ
(Кривоногов),
благочинный Лавры**

По своей великой милости Господь даровал всем нам: и насельникам Лавры, и воспитанникам Московских духовных школ — счастье жить и спасаться в самом сердце России, в ее духовном средоточии, в доме Пресвятой Троицы, в большой келии Игумена всей земли Русской. И даже когда выпускники разлетаются во все концы необъятной России, подобно белым птицам в чудесном видении преподобного Сергия, они всегда продолжают осознавать себя его послушниками и учениками. Невидимые духовные нити продолжают прочно связывать их со своей alma mater, со святой обителью, неодолимо влекут вновь и вновь возвращаться туда, где они когда-то получили свои первые знания, туда, где совершили свои первые шаги в духовной жизни, туда, где их сердца впервые коснулась благодать, даруемая всем с верою притекающим к цельбоносным мощам Радонежского Чудотворца. Поэтому вполне понятным и закономерным видится их стремление вновь и вновь, и в радости и в печали приезжать в Лавру за утешением, за новыми силами, за благословением на новые труды на благо Матери-Церкви, за той благодатной поддержкой, которую они всегда ощущали в святой обители.

Пребывание Московских духовных школ в стенах Троице-Сергиевой Лавры дарует их воспитанникам бесценную возможность получать не только формальные знания, но и навыки в духовной жизни, приобщаться к многовековой традиции монашества. Следует особо отметить, что в этом отношении наши Школы выгодно отличаются от многих современных духовных учебных заведений как России, так и остального православного мира, где богословское образование получают на теологических факультетах светских университетов. Мы должны ценить и бережно сохранять этот редкий дар Божий. Такое соседство монастыря и Академии обогащает их взаимно, идет на пользу не только юным воспитанникам, но и братии святой обители. В настоящее время среди насельников монастыря лишь немногие не являются выпускниками МДАиС. И это не может не радовать, если вспомнить об особенностях церковного и социального служения лаврской братии, имеющих дело с большим количеством паломников, церковных и светских делегаций, съезжающихся в Лавру со всех концов России и мира за утешением и разрешением насущных вопросов.

Показательным является тот исторический факт, что в течение последних 20 лет накануне революции 1917-го года ни один выпускник Академии не поступил в братию Троице-Сергиевой Лавры, что ясно отражает духовную атмосферу тех лет. В наше время ситуация принципиально иная: ежегодно число братии пополняется студентами Московских духовных школ, радеющих о монашеском делании. Все это еще раз доказывает наличие неразрывных связей, единения и взаимного притяжения Лавры и Академии, подтверждает благотворность пребывания МДАиС в стенах Троице-Сергиевой Лавры как для студентов, так и для насельников монастыря.

**Архимандрит
ИЛИЯ
(Рейзмир),
насельник Лавры**

В этом году исполняется замечательная дата — 190 лет, как переведены Духовные школы из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру, в центр и оплот Православия. Это дало для всей нашей Церкви, для будущих пастырей и архипастырей, будущих регентов и иконописцев великую благодать и милость Божию в течение нескольких столетий, особенно в советское время, послевоенное, в 70-е и 80-е годы. Это великая милость и великое счастье. Пребывание Духовных школ на территории Лавры имеет очень спасительное благотворное влияние на души питомцев. Здесь все: и молитва, и поучение, замечательные профессора-преподаватели, духовники Лавры, проповедники. Учащиеся полностью, всей душой погружены в основы духовного воспитания. Кроме того, что замечательны преподаватели в Семинарии и Академии, замечательно и духовное воспитание. Наряду с молитвой великих покровителей: преподобного Сергия, Никона, Михея и преподобных Радонежских чудотворцев, преподобномученика Кронида и многих новомучеников — питомцы имеют наглядный пример и сами участвуют в молитве, в пении, послушаниях на территории обители, имеют возможность постоянно общаться с братией монастыря, слушать проповеди замечательных духовников. Вспоминаются проповеди архимандрита Кирилла (Павлова), духовника Лавры архимандрита Тихона (Агрикова), игумена Марка (Лозинского), архимандрита Феодорита (Воробьева), замечательного благочинного в 70-е годы. И в наше время все богослужения сопровождаются проповедями. Вдобавок учащиеся имеют возможность общаться с духовниками в любое время, и мы

постоянно советуем им приходить хоть раз в неделю, а то и чаще, в любое время, любые помыслы, тяжести высказать, поисповедоваться и посоветоваться не только насчет духовных вопросов, но и насчет вопросов богословских, литургических. Это очень хорошо.

Сам я здесь закончил Семинарию в 1970 году, Академию — в 1974-м, и общался со многими студентами, будучи уже в 1972 году иеромонахом. Мне исповедовались многие будущие пастыри, так что сейчас список в синодике уже до пятисот священнослужителей, с которыми я общался, и, благодарение Богу, многие сейчас в разных концах России, Украины и Молдавии, но хоть раз, два раза в год приезжают, посещают эту великую святыню и стараются проводить духовную жизнь, как они здесь научились. И по этому заметно, что возрождается Россия. Мы верим, что в России возродится духовная жизнь, что возрождается наша Православная Церковь.

Конечно, очень счастливы те, которых Господь сподобил поступить сюда и учиться. И мы много говорим студентам и воспитанницам: «Дорожите и благодарите Господа, что вы здесь, в святом месте. Каждым шагом, каждым часом дорожите, потому что каждый час, каждый день дает много духовного тому, кто будет внимательно следить за собой, много напитает свою душу».

Так что и мы должны особенно, безмерно, всегда благодарить Господа, что Он устроил в нашей Церкви такой очаг духовной жизни, такое место для Духовной школы, и многих — сотни, тысячи — удостоил учиться, получить здесь духовное воспитание и нести это духовное знание, благодать и благочестие русскому народу, который так сегодня ждет от наших батюшек доброго слова, наставления и руководства ко спасению.

**Архимандрит
НАУМ
(Байбородин),
насельник Лавры**

После революции было тяжелое время для нашей Церкви: Академия закрыта, Лавра на грани закрытия, мощам Преподобного угрожала опасность. Из-за страха о честных останках была отделена и вывезена святая глава преподобного Сергия, а вскоре и Лавра была закрыта. Во время Великой Отечественной войны произошло духовное возрождение. Многие храмы опять наполнились народом, возродилась и монашеская жизнь в обители преподобного Сергия. После откры-

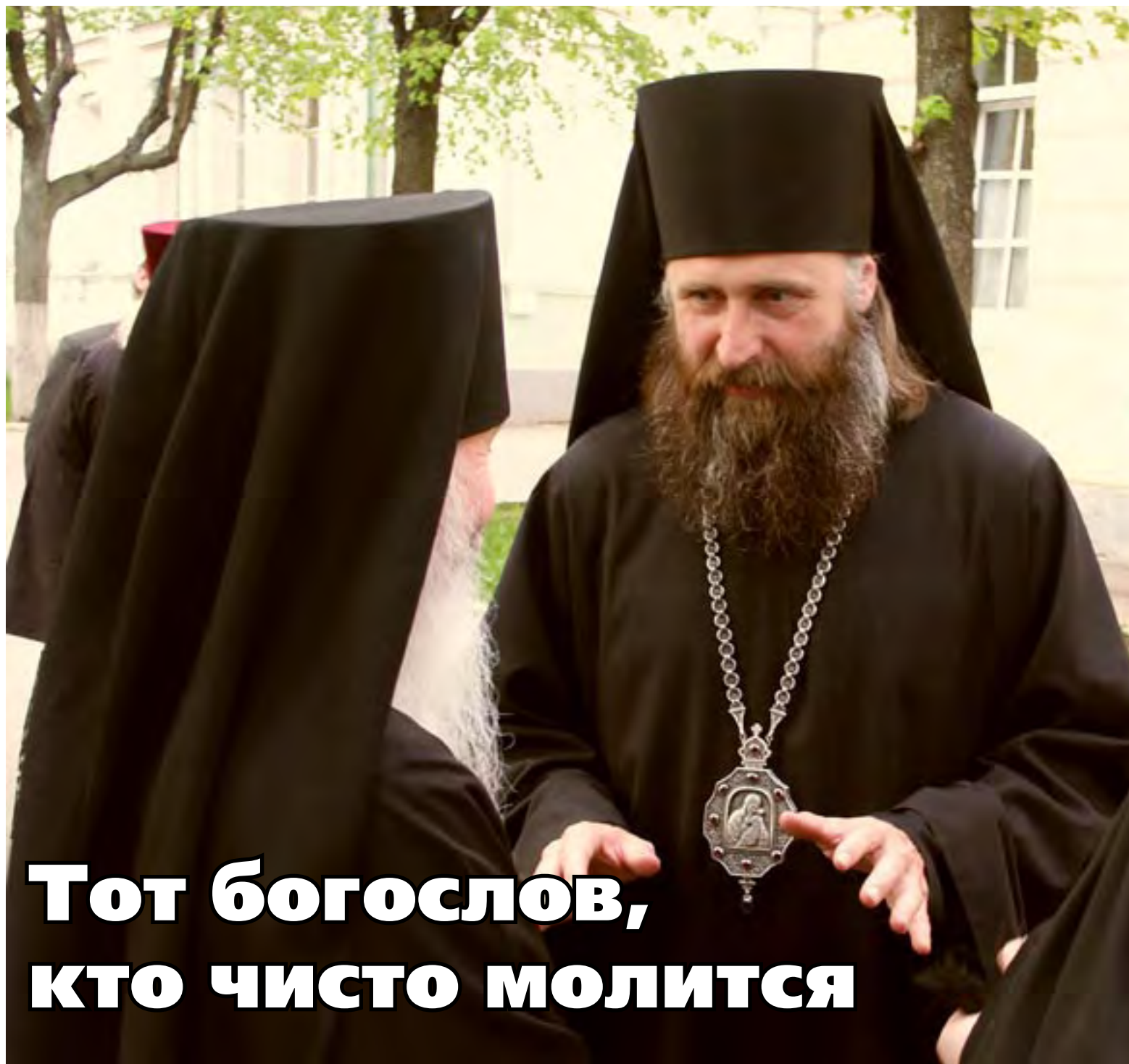
тия в Лавре было мало братии, да и та бедствовала. В это время из Новодевичьего монастыря в Троице-Сергиеву Лавру переводится Московская духовная академия, которая тогда называлась Богословским институтом. С этим событием Лавра стала расцветать. Духовная школа начала стала привлекать сюда новых людей, увеличилось число братии монастыря. Тогда над воссозданием Лавры потрудились немало выпускников Московских духовных школ. Промыслом Божиим, благодаря архиепископу Сергию (Голубцову), была возвращена глава преподобного Сергия. И сейчас, когда Троице-Сергиева Лавра переживает время особого расцвета, является значительным духовным и культурным центром, так же, как и в те не легкие для Церкви годы, мы видим неразрывную связь Академии и Лавры. И дай Бог, чтоб такое единство было всегда, ибо Духовные школы действительно составляют часть «великой кельи преподобного Сергия».

**Архимандрит
ВАРФОЛОМЕЙ
(Калугин),
насельник Лавры**

Пребывание Московских духовных школ в обители преподобного Сергия всегда сказывалось положительно на воспитании будущих служителей Церкви. Общение с братией монастыря, соприкосновение с монастырской жизнью, частое посещение духовников — все это способствует духовному росту и становлению истинных пастырей. И если бы не было соприкосновения Академии с духовным центром, то, возможно, духовная жизнь воспитанников превращалась бы в формальное говение раз в году не ради очищения покаянием, а как дань традиции. Вообще в наши дни ощущается общее охлаждение к вопросам духовности, но все по-прежнему зависит от самого человека. Один будет жить от звонка до звонка, от обеда до обеда, и не задумается над глубинной целью пребывания здесь; другой же будет часто приходить в Лавру за духовным окормлением. И поэтому хотелось бы, чтобы нынешние студенты Духовных школ обращали более свое внимание и силы не на современность и прогресс, а на духовную сторону жизни, и тогда Господь благословит их благие труды и начинания.

*Материал подготовил
Анатолий Колот, 2 курс МДС*

Тот богослов, кто чисто молится

Интервью с наместником Троице-Сергиевой Лавры епископом Сергиево-Посадским Феогностом

Ваше Преосвященство, в этом году исполняется 190 лет пребывания Московской духовной академии в стенах Троице-Сергиевой Лавры. На Ваш взгляд, какую роль сыграла Академия в истории монастыря?

Обычно задают другой вопрос: какую роль сыграла Лавра в истории Академии? Думаю, каждый насельник обители, каждый студент Семинарии или Академии

признает, что влияние монастыря на жизнь духовного учебного заведения было положительным и в высшей степени благотворным. Это очевидно для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей пребывания духовных школ в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Но влияние Академии на жизнь обители преподобного Сергия не так просто заметить. Возможно, толь-

ко сейчас, когда мы живем в секулярном обществе, мы можем увидеть плоды этого влияния, которые до этого проявлялись не с такой яркостью.

Переезд в Троице-Сергиеву Лавру Московской духовной академии можно рассматривать как событие промыслительное. Оно было вызвано не просто необходимостью найти какое-нибудь помещение для

только что реформированной духовной школы. Это событие не административного или бытового, но духовного характера. В 1814 году на это святое место переведена духовная школа с определенной целью: научиться тому, что так трудно найти в большом городе — живому опыту богообщения.

«Теоретики» богословской науки стали жить рядом с «практиками», чтобы и те, и другие, глядя друг на друга, видя достоинства и

недостатки друг друга, не думали высоко о себе, чтобы одни не превозносились своими знаниями, а другие не кичились своим духовными достижениями; но все вместе, каждый по-своему, служили бы общему делу созидания Церкви Христовой. И насельники Лавры, и студенты Академии всегда считали и считают себя учениками преподобного Сергия. Ученики, как мы знаем, бывают разные. Одни — старшие, другие — младшие; одни — более опытные, другие — менее; одни — послушные и усердные, другие — нерадивые. Младшие учатся у старших, более опытные помогают новоназначенным. Это и происходит на протяжении вот уже 190 лет в стенах нашего монастыря.

В Академии и Семинарии чаще всего учатся люди молодые по годам, только начинающие свой духовный путь, свое по силам активное служение Церкви. В Лавре они имеют уникальную возможность общения с духовно опытными наставниками. Но и самой Лавре есть чему поучиться у Академии. Мы живем в таком обществе, в котором все более остро ощущается необходимость в богословском образовании. Насельники монастыря, находясь вблизи духовной школы, тем более такой как Московская духовная академия, общаясь с профессорами, преподавателями, да и просто со студентами, могут найти для себя очень много полезного.

Каково значение выпускников МДАиС в повседневной жизни Лавры?

Подавляющее большинство насельников Троице-Сергиевой Лавры — это выпускники Московских духовных школ. И это не случайно. Устав любого монастыря предполагает, что каждый, кто выбрал путь монашества, желает принять постриг и служить Богу в ангельском образе, должен пройти определенный искуc, испытать свои силы. Учеба в Духовной семинарии и академии сама по себе есть некое испытание для студента, даже не обязательного желающего стать монахом. Постоянно общаясь со своими сверстниками, подчиняясь школьной дисциплине, выполняя

возложенные на него послушания, студент отчасти познает, что такое «общее житие», с какими трудностями и радостями оно сопряжено, какого смирения, любви и терпения требует оно от человека. Поэтому выпускнику Семинарии или Академии намного легче освоиться с монастырским бытом — для него здесь многое знакомо, многое он успел полюбить за время обучения. В соответствии с этим и «искуc» такого выпускника продолжается несколько меньше.

Окончив духовную школу и поступив в монастырь, молодой монах, при правильном духовном устройении, очень много полезного может сделать для обители и для Церкви в целом. Конечно, главная его цель — спасение своей души. Но он не должен забывать, что живет не в пустыне, а в общежитии, в обществе учеников преподобного Сергия, где каждый имеет свое послушание, каждый должен служить не себе, а ближнему. Молодой человек полон сил и энергии, а даются они ему Богом не просто так, но на выполнение определенного служения Церкви.

Нужно ли монаху иметь богословское образование?

Святые отцы единогласно говорят: «Если ты чисто молишься, то ты — богослов, и тот богослов, кто чисто молится». Что значит иметь богословское образование? Значит ли это быть только начитанным в богословской литературе или творениях святых отцов? Или богословом можно назвать только человека, написавшего кандидатскую или докторскую диссертацию? Конечно, все это полезно для христианина, но не является самоцелью. Образование ради образования не только не приносит пользы человеку, но даже вредно. *Знание надмевает, а любовь назидает*, — говорит апостол Павел (1 Кор. 8, 1) и именно сегодня, когда в обществе охладела любовь, когда для многих главными ценностями в жизни являются не духовные, а земные блага, мы должны чаще вспоминать эти слова.

Богословие отвлеченное, не связанное с духовной жизнью, с личным подвигом борьбы со страстями, не приносит плода, как семя, брошенное при дороге, которое не имеет почвы. Но если его бросить на добрую землю, то есть применить на практике, в жизни, оно принесет обильный плод. Монахам богословское образование необходимо прежде всего для того, чтобы правильно ориентироваться в духовной жизни. Любой студент духовной школы знает, что каждый догмат Церкви — это величайшая тайна, непостижимая для ограниченного человеческого ума, тайна, которую надо принимать верой и жизнью. Неправильное исповедание догматов ведет к неправильной духовной жизни, как мы это видим на примере западных исповеданий. Догматы Церкви — это своего рода духовные ориентиры, которыми руководствуется каждый христианин на пути к Царствию Небесному, поэтому их просто необходимо знать в целях духовной безопасности.

На вторую причину, по которой богословское образование необходимо монахам, указывает апостол Петр: *Будьте всегда готовы*, — говорит он, — *всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Петр. 3, 15). В настоящее время Лавру посещает огромное количество гостей. Среди них есть люди только начинающие приближаться к Церкви. Конечно, приходит много интеллигенции, людей образованных, ищущих, часто сомневающих. Чтобы говорить с такими людьми на их языке, надо иметь достаточно хорошее богословское образование.

Монахи всегда были миссионерами, и сегодня, когда в нашем отечестве возрождается духовная жизнь, когда Церковь получила возможность открыто и свободно проповедовать христианскую веру, мы не можем находиться в стороне, мы просто обязаны свидетельствовать о Христе и чистотой своей жизни, и словами назидания.

Как, на Ваш взгляд, происходит передача духовного опыта насельников Лавры студентам, будущим пастырям?

Духовный опыт не передается, он приобретается. Человек, пройдя долгий и тяжелый путь духовных падений и восстаний, становится опытным, он познает опасности, которые подстерегают на этом пути любого, кто захочет идти по нему. Эти его знания могут помочь молодому человеку избежать многих ошибок и падений, но это еще не значит, что таких ошибок не будет вовсе.

Духовное руководство во многом процесс таинственный. Отношения между старцем и послушником носят несколько иной характер, чем отношения между духовником и духовным чадом. Те древние послушники о которых мы читаем в патериках, брали на себя особый подвиг — подвиг полного и беспрекословного послушания старцу. Сейчас такие отношения можно встретить весьма редко: мало таких послушников и таких старцев. Но сама добродетель послушания не иссякла.

Главное место встречи монаха и студента — это исповедь. Каждый год администрация духовной школы проводит первые встречи со вновь поступившими студентами Семинарии, знакомит их с внутренним распорядком жизни школы, дает первые советы и наставления. На этих встречах молодым людям всегда настоятельно рекомендуется найти себе среди братии Лавры духовника, к которому бы они могли обращаться за духовным советом. Большинство студентов находят себе таких опытных руководителей и получают огромную духовную пользу от бесед с ними. Ведь почти все нынешние духовники, как я уже говорил выше, — это в основном бывшие студенты Духовных школ. Они очень хорошо знакомы с теми трудностями и искушениями, с которыми сталкиваются студенты, и их советы — это наставления людей, знакомых со средой, в которой живут семинаристы. Помимо таких личных встреч проводятся и общие, на которых можно

задать опытным духовникам вопросы, касающиеся духовной жизни. Кроме того, некоторые насельники Лавры являются преподавателями Семинарии и Академии и всегда могут помочь студенту не только в его духовной жизни, но и учебе. Даже простое присутствие студента на богослужении в храмах Лавры может научить его очень многому.

Владыка, более 15 лет Вы являетесь наместником Троице-Сергиевой Лавры. Это время было переходным периодом в истории нашего государства, время, когда менялось общество и менялись люди. Как повлияли эти изменения на жизнь Лавры? Что изменилось во внутреннем и внешнем облике обители за последнее время?

Внешние изменения у всех на виду: активно ведется реставрация и ремонт храмов, воссозданы лаврские колокола, милостью Божией, укрепляется материальная и техническая возможность не только привести наш монастырь в тот благообразный вид, который он имел до революции, но и значительно благоустроить его. Увеличилось число подсобных хозяйств и подворий. Насельников стало гораздо больше, а это значит, что семья преподобного Сергия постепенно увеличивается. И как в каждой большой семье у нас есть свои проблемы и трудности.

Что касается внутреннего облика Лавры, то здесь еще многое предстоит сделать. Нужно заботиться об украшении храмов, о колокольном звоне, о чистоте территории монастыря, но мы хорошо понимаем, что без чистоты души, без кропотливого труда над созиданием своего внутреннего человека, монастырь рискует превратиться из святой обители, из духовной лечебницы, в музей или просто в центр культуры и туризма. Поэтому именно сейчас, когда духовно-нравственный облик современного общества изменился в худшую сторону, мы должны приложить все усилия, чтобы мирской дух не проник и не укуренился в стенах нашей обители и душах его насельников.

ОТ ГРЕКОВ ДО «ВАРЯГ»

Академия хранит традиции, заложенные братьями-греками Лихудами, гордится своими профессорами и питомцами, так много внесшими в развитие русской богословской науки, и с любовью принимает ныне «варяг», как прозвали преподавателей, приходящих из светских высших школ.

«Эллино-славянские школы» Лихудов (1685–1699)

В начале марта 1685 года по просьбе Российского патриарха Иоакима в Москву прибыли Иоанникий и Софроний (Лихуды), ученые братья-монахи, получившие свои докторские дипломы в Падуанском университете. С собой они привезли богословские, философские и исторические книги, творения отцов Церкви. Представ перед царями Иоанном и Петром, они произнесли свои приветственные речи по-гречески и по-латыни.

В конце марта начались занятия в Богоявленском монастыре с 6 учениками, переведенными из Типографской школы. 12 декабря 1685 года состоялось официальное открытие Славяно-греко-латинской академии, для которой к октябрю 1687 года были построены новые здания, получившие название Спасских школ. С переходом в новое помещение число учеников возросло до 80 человек, но с течением времени у многих пропадала охота учиться и на Рождество 1689 года оставалось только 54 ученика. О составе учащихся современник пишет, что «инии суть священники, иеродиаконы и монахи, инии же князи, спальники, стольники и всякого чина сего царствующего града Москвы».

Лихуды разделили учащихся на три класса (школы): нижнюю — *infima*, среднюю — *media*, верхнюю — *suprema*. В нижней школе Академии учились читать и писать по-гречески, в средней же переходили к основательному изучению греческой грамматики. Далее шли риторика, логика, естественная философия (физика), пиитика. Курс богословия Лихуды намеревались прочитать, но не успели. Преподавание в основном шло на греческом языке, латинскому была отведена второстепенная роль. При этом практиковалась ланкастерская система обучения: старшие ученики руководили занятиями младших. Лихуды имели доступ к царской библиотеке, ученики же пользовались библиотекой Спасского монастыря. Из тех учебников, которые составили греки, видно, что в Московскую академию переносилось схоластическое

образование, для которого главным авторитетом был Аристотель.

Во второй половине 1694 года братья Лихуды должны были оставить Академию — школа греческого типа не устраивала сторонников латинского образования. Лишенная наставников и предоставленная самой себе, Московская академия испытывала трудные времена. Преподавали лучшие ученики Академии: Николай Семенов и Федор Поликарпов, но только те предметы, которые сами успели пройти: грамматику, пиитику и риторику.

«Латинский период» (1701–1784)

Приближалась реформа. Петр I, желавший просвещения европейского, 7 июня 1701 года издает указ: «завести в Академии учения латинския». Преподавание греческого языка прекратилось, и Академия стала называться Славяно-латинской. Протектором Академии назначен митрополит Стефан (Яворский), который сумел улучшить ее положение как с материальной стороны, так и со стороны учебной. Оставаясь высшей духовной школой, Академия становится с начала XVIII века сословным учебным заведением, «кузницей кадров» для государственного аппарата Петра I.

Не смирившись с преобладанием латыни, Софроний Лихуд организовал около 1707 года небольшую греческую школу в Москве, которая постепенно вернулась обратно в Академию: в январе 1725 года школа переведена в одно здание с Московской академией, а с февраля 1726 года вошла в состав Академии отдельным факультетом. Несмотря на это, преподавание греческого языка в Академии было восстановлено лишь в 1738 году.

При митрополите Платоне

Расцвет Академии начинается с митрополита Платона (Левшина), который назначен в 1775 году ее «полным директором и протектором». Благодаря его реформе в образовании значительно повысилось значение

Митрополит Платон (Левшин)

родного языка: преподавание древних и новых языков ведется на родном языке, самим владыкой на русском языке написан труд «Христианское богословие», начинается преподавание истории Русской Церкви, которой митрополит сам серьезно занимался.

Тогда же введен регламент духовной жизни воспитанников, строго соблюдались частое пребывание на богослужении, положенные молитвенные правила, посты и говения. Особый устав жизни был у «платоников» — стипендиатов, избираемых митрополитом Платоном из среды бедных студентов, послушных нравом, имевших усердие к науке. Они давали обещание непременно вступить в состояние духовное, жили отдельно от других студентов, имели свою библиотеку и должны были усиленно изучать языки.

Перевод Академии в Троице-Сергиеву Лавру

Еще в 1742 году на территории Троице-Сергиевой Лавры в здании Царских чертогов была открыта Троицкая лаврская семинария, тесно связанная с Академией. В обоих учебных заведениях постоянно руководили и преподавали одни и те же лица, программа Семинарии по уровню не уступала академической. Этим была подготовлена почва для будущего перемещения Московской славяно-греко-латинской академии в Лавру.

Вопрос о переводе Академии из Москвы был предпринят в 1775 году, когда Синоду был дан императорский указ: «так как Московская академия стоит в крайне неспособном для училищ месте, то к переводению оной сыскать другое место». Число учащихся росло, здания в Заиконоспасском монастыре обветшали, но лишь в 1797 году предложение о перемещении Академии одобрено Синодом. Новым местом предполагался Донской монастырь, где на возведение новых зданий требовалась огромная сумма, и поэтому проект был отклонен. В Синоде родилось новое мнение — переместить Академию в

Троицкую Лавру. Митрополит Платон был против, предлагая новым местом Воскресенский монастырь, где можно было бы достичь единоначалия, поставив ректора настоятелем монастыря. Но, несмотря на противодействие владыки, мысль о переводе Академии в Лавру все более утверждалась в высших кругах.

Решающим стал 1812 год, когда последовала смерть митрополита и захват Москвы французами. Заиконоспасский монастырь разорен и ограблен, оставшиеся монахи подверглись истязаниям и убийствам. Здания не пострадали от пожара, но оказались сильно поврежденными от действий захватчиков. Учебная жизнь продолжена там 3 марта 1813 года после сильного ремонта, и, наконец, в 1814 году Комиссия духовных училищ приняла решение перевести Академию в Троицкую Лавру, в здания Лаврской семинарии.

Реформа духовного образования (1808–1814)

Эпоха Александра I открыла возможность решительно начать преобразование духовной школы. Религиозное безразличие покинуло монарха в войну 1812 года, о чем он сам свидетельствует: «Пожар Москвы осветил меня, согрел жаром истинной веры, показал мне Бога». В то время в российских правящих кругах появляется мысль о переустройстве всего государства, об отмене крепостного права, начинается реформа и светской школы. Прогрессистские идеи смешивались с шатанием религиозной мысли, что могло существенно повлиять на направление реформы духовного образования. Например, статс-секретарь М.М. Сперанский и обер-прокурор князь А.Н. Голицын, находившиеся в зените своего влияния, являлись при этом видными мистиками своей эпохи: первый перевел на русский «Подражание Иисусу Христу» Фомы Кемпийского, а второй посещал в Петербурге собрания у Татариновой, начавшиеся с чтения Священного Писания и превратившиеся после в хлыстовские «радения» с болезненными экзальтациями.

Кропотливый и сложный труд по составлению плана преобразования духовных школ поручен в 1804 году епископу Евгению (Болховитинову), викарию Петербургской епархии. Он сочувствовал прогрессистскому веянию эпохи и, энергично потрудившись, уже в марте 1805 года составил план на основе несостоявшихся проектов времени Екатерины II и новых уставов светской школы. Однако многие в высших церковных сферах стали в оппозицию преобразованию. Митрополит Платон писал о предложенной реформе: «... учреждение доселе было похвально и порядок учения производим был основательно... Что на молодых смотреть? Мы старики, да в сем деле, кажется, и опытнее... Дай Бог, чтобы такие и впредь выходили... А ежели новый метод введется, то едва ли ожидать можно лучшего успеха, а затруднения и запутанности больше будет».

Но император под влиянием обер-прокурора князя А.Н. Голицына стал на сторону преобразования и в ноябре 1807 года учредил Комитет по усовершенствованию духовных училищ. В Комитете решающую роль сыграли князь А.Н. Голицын, статс-секретарь М.М. Сперанский и епископ Феофилакт (Русанов). Через год Комитет, переименованный в Комиссию

духовных училищ, стал высшим органом по управлению духовными школами.

М.М. Сперанский к февралю 1809 года составил первую часть академического устава о внутреннем управлении академий, на этом его работа и окончилась. Новый устав доведен до завершения епископом Феофилактом (Русановым) и введен для испытания в новооткрывшейся Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) в 1810 году.

Труды по внедрению и проверке устава легли на ректора СПбДА архимандрита Филарета (Дроздова). В 1814 году, после первого выпуска СПбДА, архимандрит Филарет представил свои замечания и исправления устава, направленные против ограниченной власти ректора и ориентации на европейских «просветителей», «подвижников вольтерьянской философии». В редакции, данной святителем Филаретом, уставы духовных школ (академий, семинарий и училищ) были утверждены императором 30 августа 1814 года. Введение нового устава в жизнь духовных школ России возложена на того же святителя Филарета, который стал гарантом православного направления в развитии духовного образования.

Первые полвека в Лавре (1814–1862)

Торжественное открытие Академии на новом месте состоялось 1 октября 1814 года, на праздник Покрова Богородицы. Питомцы старой Академии и Троицкой семинарии образовали треть состава первого курса. Преобразованную Академию возглавил ректор Славяно-греко-латинской академии архимандрит Симеон (Крылов). Из 12 бакалавров, поставленных в 1814 году Комиссией духовных училищ для преподавания, трое были из учителей старой Академии (иеромонах Гермоген (Сперанский), Никанор Клементьевский и Феоктист Орловский), один из учителей Лаврской семинарии — иеромонах Владимир (Сорокин), восемь — из первого выпуска Петербургской академии.

Первые 5 лет обновленная Академия жила под покровительством архиепископа Московского Августина, питомца старой Московской академии, бывшего ректора Троицкой семинарии, а затем ректора Славяно-греко-латинской академии, ближайшего ученика, друга и помощника митрополита Платона. Преемником его стал митрополит Московский Филарет. Таким образом, Академия попала почти прямо из рук митрополита Платона (с 1775 по 1812) в руки митрополита Филарета (с 1821 по 1867).

Святитель Московский Филарет (Дроздов) является крупнейшей личностью всей истории МДА. Он много сделал и для Санкт-Петербургской, и даже для Киевской академии. Но Московская духовная академия стала в полном смысле слова детищем митрополита Филарета — он придал ей дух и направление, бдительно следил за чистотой богословской науки. Митрополит руководствовался мыслью о создании устойчивой богословской преемственности, не нарушаемой посторонними веяниями. В 1847 году обер-прокурору Н.А. Протасову он писал: «...кандидатов в ректора МДА и профессора богословских наук не должно искать далее здешней Академии и здешних семинарий... В сих местах удобнее довершается акаде-

Архиепископ Филарет (Гумилевский)

мическое образование на службе, при большем против других мест обилии учебных пособий и значительности ученого и образованного общества».

Обучение в Академии было четырехлетнее, но набор производился раз в два года вплоть до принятия устава 1869 года. Новая учебная программа вводилась постепенно. При начале занятий в 1814 году читались предметы: истолкование Священного Писания, философия, всеобщая словесность, всеобщая гражданская история, математика; языки: еврейский, греческий, немецкий, французский и английский. В 1816 году начинается чтение догматического богословия. С 1817 года читаются лекции по нравственному богословию и общительному богословию. Наряду с этими предметами в программу входят: пастырское богословие, церковное красноречие, церковная история, каноническое (церковное) право (с 1840), патристика (с 1841), метафизика (с 1842), история философии (с 1843), библейская история, русская гражданская история, церковная археология (с 1844). В таком виде программа существовала до 1869 года.

Своеобразным явлением научной жизни академического студенчества в первый период жизни Академии в Лавре было создание в 1816 году общества «Ученые беседы» — это было первое научное студенческое общество. Оно существовало недолго, студенты успели прочитать и обсудить 20 «рассуждений».

В 1840 году архимандрит Никодим (Казанцев), магистр седьмого выпуска Московской академии, по поручению Синода составил проект издания творений святых отцов. Ему принадлежит высказывание, что «только после того времени, как русские богословы будут читать святых отцов на русском языке, можно ожидать, что они будут самостоятельные и зрелые богословы и не будут зависеть от латинских, немецких, французских и английских богословов и богословий».

Протоиерей Александр Горский

Уже в январе 1842 года редакционный комитет представил митрополиту Филарету первые переводы слов святителя Григория Богослова. Одновременно был создан и печатный орган Академии — журнал «Прибавления к творениям святых отцов», где публиковались статьи церковно-исторического и богословского содержания.

Московская духовная академия принимала участие и в переводе Библии на русский язык, но здесь роль Академии была второстепенной. Основная работа совершалась в Петербурге. В Московской академии переводили с еврейского «Исход» и «Второзаконие». Из книг Нового Завета Академии был поручен перевод Евангелия от Марка и Посланий святого апостола Павла к Римлянам и Галатам, а также пересмотр и проверка всего Четвероевангелия и Деяний Апостольских, переведенных другими Академиями.

В донесении Святейшему Синоду о состоянии Академии при ректоре архимандрите Филарете (Гумилевском) в 1838 году митрополит Филарет (Дроздов) отмечал «состояние благоустройства», «мирную стройность», «дух внимания и усердия к своему делу, послушания и кротости, одушевляющий начальствующих и учащихся и сообщившийся студентам...»

В 1847 году Академию посетил уже тогда известный духовный писатель архимандрит Игнатий (Брянчанинов). Сохранились записи его бесед с преподавателями МДА об ученом монашестве.

Из ректоров следует упомянуть еще об архимандрите Савве (Тихомирове; 1819–1896), в дальнейшем архиепископе Тверском и Кашинском. Он был крупным ученым, известен по своим церковно-археологическим исследованиям и многотомной автобиографии «Хроника моей жизни». Эта автобиография является ценным источником по истории русской церковной жизни и, в частности, по истории Московской духовной академии во второй половине XIX века.

«Папаша»

Замечательный церковный историк протоиерей Александр Васильевич Горский (1814–1875) был взращен Академией и в дальнейшем посвятил ей все свои силы и дарования. Годы ректорства Горского (1862–1875) были одним из самых светлых периодов истории Московской духовной академии.

Александр Васильевич был присным другом святителя Филарета и хотя в юности стремился к монашеству, так и не принял его, понимая, что по близости к Митрополиту скоро бы получил сан епископа, а он не хотел расставаться с любимой Академией. Ради его желания служить пред престолом Божиим святитель Филарет, без сношения с Синодом, решил посвятить его в священный сан на основании примеров древней Церкви. Так в нашей Церкви с Горского началась практика целibatного священства.

Огромная заслуга отца Александра Горского состоит в том, что он явился создателем новой русской церковной истории как науки. Отец Александр входил во все стороны академической жизни, находил время посещать и больных студентов, о которых очень заботился. Студенты ласково прозвали его «папаша».

Во время ректорства протоиерея А.В. Горского в 1864 году было широко отмечено 50-летний юбилей пребывания Академии в Троице-Сергиевой Лавре. Обозревая сделанное за этот срок, митрополит Филарет с удовлетворением констатировал значительное влияние Академии на духовенство Москвы: «Духовенство столицы, составляемое частью из получивших академическое образование... в значительной степени преимуществом перед прочим духовенством епархии как просвещением, так и нравственным характером... и сопровождается соответственным тому влиянием на прихожан...» За полстолетия Академия дала Русской Церкви 26 иерархов, всего окончило Академию за это время 1164 студента.

При Горском возник Академический храм, посвященный Покрову Божией Матери. При горячей поддержке святителя Иннокентия (Вениаминова) храм был создан из академического актового зала и освящен 12 февраля 1870 года, в день памяти святителя Московского Алексия. Мысль о его сооружении возникла давно, но митрополит Филарет не содействовал Академии в этом вопросе, опасаясь, что создание «своего» храма будет способствовать отторжению Академии от Лавры. Вслед за храмом протоиерей А.В. Горский добился создания академического кладбища на территории сада Академии.

Реформа церковного учебного ведомства

В конце 1820-х годов в числе противников устава 1814 года оказался митрополит Киевский Евгений (Болховитинов). Он был отчасти обижен отстранением от любимого дела после создания им первоначального плана преобразования, отчасти — не ожидал такого глубокого либерализма в уставе. Когда он вошел в состав Комиссии духовных училищ, то там уже не было ни Сперанского, ни Голицына, ни митрополита Филарета. Имея поддержку в Синоде, митрополит Евгений начал резко изменять устав академий: возвращается зави-

симось от епархиальных архиереев, в преподавании восстановлена латынь (так, ректор МДА архимандрит Поликарп (Гайтаников) в 1824–1835 читал лекции по догматике на латыни), профессорам запрещено преподавать по своим запискам, но строго держаться избранных учебников.

С 1839 года закрыта Комиссия духовных училищ, а на его месте образовано Духовно-учебное управление, которое стало активно вмешиваться в академическую жизнь, часто совершая произвольные отступления от устава 1814 года. Если ранее не исполнялись некоторые пункты устава (например, о выборности ректора и инспектора), то теперь с ним вообще перестали считаться. В жизни академий наступает кризис из-за беспорядка в управлении. В учебном курсе со временем появилась чрезмерная многопредметность, крайне затруднившая наставников и студентов. Материальное содержание академий стало крайне недостаточным.

Главным инициатором духовно-учебной реформы 1867–1869 годов был обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой. По представлению Д.А. Толстого император Александр II подписал указ об упразднении Духовно-учебного управления, а 14 мая 1867 года его работу продолжил Учебный комитет при Святейшем Синоде.

Устав 1869 года

Новый устав Академий вошел в действие в 1869 году при протоиерее А.В. Горском. Устав учредил высшим органом академического правления Совет Академии во главе с ректором. Важнейшие дела Академия решает на общих собраниях, нового преподавателя избирает всей корпорацией. Расширены возможности поступления в академии: принимаются не только семинаристы, но и гимназисты, допускаются вольнослушатели. Разрешено публиковать лекции, учреждать ученые общества, академии приобретают право собственной цензуры. Оживлению научной деятельности способствовало введение обязательной докторской степени для ректора и профессоров.

Вскоре после введения Устава, в декабре 1871 года, в Академии состоялся первый докторский диспут. Соискателем докторской степени явился архимандрит Михаил (Лузин; 1830–1887), впоследствии преемник отца Александра Горского по ректорству, защитивший диссертацию на тему «О Евангелиях и евангельской истории по поводу книги «Жизнь Иисуса» Э. Ренана».

Академия на рубеже XIX – XX веков

Среди преемников протоиерея А.В. Горского по ректорству следует выделить профессора протоиерея Сергея Константиновича Смирнова. В чреде ректоров он был вторым, после протоиерея А.В. Горского, представителем белого духовенства на этом посту. Прослуживший в звании профессора 35 лет, С.К. Смирнов (1818–1889) был назначен указом Святейшего Синода ректором и вследствие этого назначения принял — уже в конце жизни — иерейский сан. В его ректорство был введен новый Устав Академии в 1884 году.

К 1880 году относится возникновение «Братства Преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской духовной

Митрополит Евгений (Болховитинов)

академии». Оно явилось одной из многих организаций подобного типа, которые стали распространяться после издания в 1864 году «Основных правил для учреждения православных церковных братств».

Новые веяния в жизнь Московской академии принесло ректорство архимандрита Антония (Храповицкого; 1890–1895), бывшего ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии. Новый ректор был немногим старше своих учеников — ему не было еще и тридцати лет. Появление его в Академии было довольно необычным. Позднее один из его учеников вспоминал: «Факт, казавшийся нам тогда легендарным и баснословным, что новый ректор, архимандрит Антоний, явился в вверенную ему Академию с одним только странническим посохом и с чемоданом, наполненным несколькими книгами духовного содержания, не имея более ничего другого при себе, — уже этот факт громко говорил... что новый ректор несет к нам совершенно новое направление и совершенно новый образ жизни».

При архимандрите Антонии в 1892 году на смену «Прибавлениям к творениям святых отцов» пришел «Богословский вестник», в скором времени превратившийся в один из лучших богословских журналов. Большое участие в подготовке журнала принимал профессор П.И. Горский-Платонов, ставший его первым редактором. Святоотеческие творения отныне издавались в качестве приложений к новому журналу. Фактическим распорядителем журнала считалась вся корпорация. В нем впервые увидели свет многие выдающиеся труды ученых Московской академии.

Конец XIX века характеризуется значительным уменьшением количества учащихся в Московской и в других духовных академиях. «До 1888 года число студентов МДА быстро росло и дошло до 300 человек. Затем стало убывать ввиду ограничительных мер; в 1899 году

Архиепископ Феодор (Поздеевский)

их было только 191 русских и 24 иностранца. Во всех четырех Академиях на 1898 год училось 900 человек на всю Россию». С таким отрядом молодых ученых Церковь готовилась встретить наступающий XX век.

Первым ректором-епископом был Христофор (Смирнов), управлявший Академией с 1886 по 1890 год, а с ректорства епископа Волоколамского Арсения (Стандницкого; 1898–1903) начинается регулярное архиерейское возглавление Академии, которое поднимало ее авторитет.

Начало XX века внесло много нового в жизнь Академии. Студенты и профессора — все откликнулись на происходящие в России события. С 1909 года Академией руководил Феодор (Поздеевский), епископ Волоколамский. Бескомпромиссный и прямой, епископ Феодор властной рукой направлял жизнь Академии. Характерной для него является мысль, что «в области церковной жизни может быть и должна быть одна главная реформа: покаяние и молитва, а все остальное, тоже, конечно, полезное, пойдет из этой благодатной реформы духа».

После событий 1905 года многие столпы науки удалены из Академии. Так, Ключевский и Каптерев покинули Академию в 1906 году официально «по выслуге лет», а реальной причиной стала кадровая политика ректора епископа Евдокима (Мещерского). До его отставки в 1909 году продолжалась «чистка корпорации», отсеяв прогрессивно настроенных и свободомыслящих преподавателей. Этот постепенный процесс превратился в беспощадную борьбу с остатками свободомыслия при ректоре епископе Феодоре (Поздеевском).

С конца XIX века и затем на Предсоборном присутствии обсуждался вопрос о новой реформе духовных школ. Еще в 1897 году Н.Н. Глубоковский отмечал «ослабление богословско-научной деятельности академических воспитанников». Причину этого видели

в несовершенстве Устава 1884 года. Резкой критике подверг этот Устав бывший ректор Московской академии архиепископ Волинский Антоний (Храповицкий), который предлагал централизовать программы, осовременить их, приблизить к жизни и усилить слабеющий дух церковности.

Лекции, официально обязательные для студентов, слабо посещались, упор делался на семестровые сочинения, которые должны были развивать умение самостоятельно вести научную работу. Однако сочинения часто были слишком неумелы и возникала опасная односторонность развития студента. Подлинная академичность, всесторонность образования при этом весьма страдала.

После деятельного обсуждения Святейший Синод выработал новый Устав, принятый в 1910 году и дополненный в 1912 году. Уставом были введены практические занятия, способствовавшие освоению изучаемого материала. Этому способствовало то, что еще при митрополите Филарете были заложены традиции сотрудничества преподавателей и студентов. Преподаватель был наставником, а иногда — старшим другом, двери многих профессорских домов были постоянно открыты для учащихся.

В начале XX века завершается формирование самостоятельного типа русского православного богословия, оно достигло наибольшего развития и благодаря этому имело силу пройти через все искушения, уготованные Промыслом.

Процесс обретения самостоятельности русской богословской науки начался борьбой со схоластикой, которая велась в Московской академии с конца XVIII века, и может быть разделена на три этапа. Первый из них — переход богословия на русский язык, приближающий его к национальному православному мышлению путем отказа от латыни и очищения богословия от тяжеловесной и пустой терминологии. Этот этап начался при митрополите Платоне. Второй этап — признание святоотеческой традиции в качестве основы богословия и осознание необходимости перевода на русский язык и углубленного изучения святоотеческих творений и Священного Писания. Понимание этого созрело при митрополите Филарете к началу 40-х годов XIX века. Наконец, третий этап, относящийся к началу XX века, заключался в том, чтобы признать основой богословия церковную практику во всей ее широте, с литургией и гимнографией.

Последние дни дореволюционной Академии

Начало первой мировой войны совпало со столетием перемещения Академии в Троице-Сергиеву Лавру. Предполагавшиеся торжества были отложены «до более благоприятного момента». Академия вынуждена была ограничиться изданием мемуарного сборника и двухтомника научных трудов профессоров Академии. Несмотря на военную обстановку, многочисленные воспитанники Академии деятельно отозвались на ее юбилей — помимо изданий самой Академии, вышел ценный сборник мемуаров «У Троицы в Академии».

Круговорот событий 1917 года захватил и Московскую академию. Уже 13 марта смещен ректор епископ

Феодор, одновременно заменен редактор «Богословского вестника»: вместо священника Павла Флоренского назначен профессор М.М. Тареев.

Профессор Михаил Михайлович Тареев (1866–1934) не случайно оказался ставленником Временного правительства. Его философская линия отходит от академических традиций. В работе «Новое богословие», опубликованной в «Богословском вестнике» в 1917 году, обнажается его восприятие Православия, согласно которому следует отказаться от святоотеческого учения, как «сплошного гностицизма и аскетизма». Это на самом деле новое для Московской академии «богословие» стало символом определенного кризиса, переживавшегося Академией. В неправославных исканиях Тареева можно видеть предвестие обновленчества.

После смещения епископа Феодора временное исполнение обязанностей ректора было поручено инспектору Академии архимандриту Илариону (Троицкому), который на соборе 1917–1918 года был инициатором восстановления патриаршества, а после — правой рукой святителя Тихона, Патриарха Московского.

В сентябре 1917 года впервые за историю Академии состоялись выборы ректора. Им стал Анатолий Петрович Орлов, профессор по кафедре истории и обличения западных исповеданий, через месяц он был посвящен в сан. Последним же замечательным событием академической жизни в 1917 году была память пятидесятилетия со дня кончины митрополита Филарета, отмеченная 18 и 19 ноября, на которой присутствовал нареченный Патриарх Тихон и члены Всероссийского Церковного Собора.

В конце 1917 года Московская духовная академия была закрыта в Троице-Сергиевой Лавре. Однако, несмотря на войну, голод и политические баталии, в Москве оставалось еще много желающих учиться и учить. Еще в том же году архиепископ Феодор (Поздеевский), смещенный с должности ректора МДА по проискам Временного правительства, делает попытку организовать в Москве Высшую богословскую школу. Он привлек для этого близкий к нему круг профессоров МДА. По воспоминаниям будущего инспектора возрожденной в 1946 году Академии, а в 1920 году еще иеродиакона, епископа Вениамина (Милова) эта школа «доживая последние дни, ютилась в разных местах города: в Епархиальном доме, в церкви Иоанна Воина, в церкви Петровского монастыря и в храме Живоначальной Троицы в Листах. Профессура в Академии оставалась еще старая». Владыка Вениамин сохранил благодарную память о патрологе профессоре И.В. Попове и профессоре отце Павле Флоренском как «глубоких, часто безупречных знатоках своего предмета», но прибавляет: «жаль, что профессора все-таки находились под влиянием рационализма». Архиепископ Феодор привлек в Данилов монастырь, где настоятельствовал, единомысленную братию — ученых монахов. Святитель Тихон (Белавин), Патриарх Московский, благодарно называл их «даниловским синодом». Здесь образовался впоследствии центр противостояния обновленческому расколу.

Один из вариантов богословского вуза попыталась возродить группа профессоров Академии под руководством протоиерея Анатолия Орлова, выбранного ректо-

Священномученик Иларион (Троицкий)

ром в 1917 году. Занятия проходили в так называемом московском «Народном доме» в Лиховом переулке. Уже с этой группой наставников владыка Вениамин защитил в начале 20-х годов кандидатскую работу по кафедре патрологии: «Преподобный Григорий Синаит. Его жизнь и учение».

Открытие Богословского института

14 июня 1944 года открылся Православный богословский институт и Богословско-пастырские курсы в Москве. Это были первые высшее и среднее учебные заведения РПЦ при советской власти. Жизнь института и курсов началась благодаря трудам Святейшего Патриарха Сергия (Страгородского; †15 мая 1944 года) после памятной встречи трех митрополитов в сентябре 1943 года с И.В. Сталиным. После достигнутой тогда договоренности архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) по поручению главы Церкви разработал проект института и курсов. Местом первоначального размещения возрождающихся Духовных школ стал Новодевичий монастырь, а первым руководителем назначен магистр богословия С.В. Савинский. Уже в августе 1944 года Синод назначил ректором Богословского института профессора протоиерея Т.Д. Попова, который незадолго до открытия Института был принят из обновленческого раскола, где он носил архиерейский сан.

Самой насущной проблемой явилась трудность в формировании преподавательского состава. Согласно первоначальным учебным планам за три года обучения в Институте предполагалось пройти сокращенный курс бывших духовных академий, который бы имел пастырско-практический уклон. Большой радостью стала передача в мае 1945 года Институту Успенского трапезного храма Новодевичьего монастыря, а до этого студенты посещали богослужения в Елоховском соборе.

Протоиерей Константин Ружицкий

Возрождение Академии

Учебный комитет при Синоде на заседании 26 августа 1946 года постановил преобразовать Московский православный богословский институт в Московскую духовную академию с четырехлетним курсом обучения. Причем III и IV курсы Института стали I и II курсами МДА, а Подготовительные курсы и два первых курса Института — Семинарией с четырехлетней программой обучения. Академия и Семинария были объединены под единой администрацией. Обязанности ректора МДАиС исполнял бывший ректор Богословского института протоиерей Тихон Попов, всего преподавателей насчитывалось 15 человек. После вступительных экзаменов в сентябре 1946 года в МДС учащихся было 147 человек, а в МДА — 14. По инициативе протоиерея Николая Чепурина, ставшего тогда ректором, при Академии учрежден стипендиальный фонд для учащихся, размер стипендии зависел от успеваемости и старшинства курса (от 100 до 400 рублей в месяц).

В январе 1947 года организована Аттестационная комиссия под председательством митрополита Николая (Ярушевича). Итогом ее работы стало утверждение в ученых званиях 13 наставников Академии: в профессорском звании преподавателей Академии протоиереев Тихона Попова, Вениамина Платонова, Дмитрия Боголюбова, а также С.В. Савинского и И.Н. Шабатина; в звании доцента преподавателей: архимандрита Вениамина (Милова), священника Александра (Ветелева), а также В.С. Вертоградова, Н.П. Доктусова, Н.И. Муравьева, А.В. Ведерникова и А.И. Георгиевского.

29 ноября 1947 года Совет Министров СССР передал Московской Патриархии ряд зданий в Троице-Сергиевой Лавре. Ректору МДАиС епископу Казанскому Гермогену (Кожину) было поручено подготовить перевод Духовных школ в Лавру, что планировалось осуществить к следующему учебному году.

В июле 1948 года на торжественном совещании представителей и представителей Поместных Православных Церквей по случаю 500-летия автокефалии Русской Церкви Московские духовные школы представлены участникам как центр православного просвещения и продолжение научной богословской традиции РПЦ.

Новая волна гонений

В 1948–1949 годах под руководством секретаря ЦК партии М.А. Суслова предпринята решительная попытка возобновить активную антирелигиозную пропаганду и гонения на Церковь. Но позиция Сталина была иной, он ждал возможности использовать РПЦ для решения ряда задач на международном уровне. Антирелигиозная кампания свернута, однако же оставила след на теле Церкви: в академиях закрыты кафедры русской религиозной мысли, из учебных программ исключена логика, христианская психология, история философии, христианская педагогика. Это было нацелено на понижение уровня образования духовенства до требоисполнительства.

Самый болезненный удар был нанесен по кадрам. Как ни скорбно было Патриарху, но работа НКВД привела к увольнению из МДА в конце 1948 года доцента А.В. Ведерникова, профессора С.В. Троицкого (уехал в Югославию), преподавателя В.А. Сретенского. В начале 1949 года арестован по довоенному обвинению и вторично сослан инспектор Академии архимандрит Вениамин (Миров). Арестовали также студентов Дмитрия Дудко и Петра Бахтина. Епископ Гермоген переведен на кафедру в Краснодар, а ректором назначен московский протоиерей А.П. Смирнов.

Возвращение в Лавру

1949 год принес утешительное и радостное событие — перемещение МДАиС в Троице-Сергиеву Лавру. Аудитории и общежитие студентов размещены в отремонтированном здании Царских чертогов. До возрождения Покровского академического храма наставниками и студентами Духовных школ вечерние богослужения совершались в Актовом зале, а на Литургию шли в Лавру. В 1951 году по желанию преподавателей МДА был организован Церковно-археологический кабинет как база для преподавания церковной археологии в Академии.

В августе 1951 года на должность ректора МДАиС назначен протоиерей К. Ружицкий. С его приходом начался новый период в истории не только Духовных школ, но и всей Русской Церкви. При отце Константине, который энергично влиял на кадровую политику Церкви, из МДА выходили архипастыри и пастыри, профессора и руководители духовного образования, заменявшие уходившее поколение. В 50-е годы на педагогическое поприще в духовное образование вышло немало выпускников восстановленной богословской школы. Для себя Академия также подготовила преемников преподавательской и научно-богословской традиции:

— из 3-го выпуска (1950/51): иеромонах Сергей (Голубцов), диакон К.В. Нечаев;

— из 4-го выпуска (1951/52): В.Д. Сарычев, иеромонах Филарет (Денисенко), иеромонах Афанасий (Курдюк), М.П. Орлов;

— из 6-го выпуска (1953/54): иеромонах Тихон (Агриков), А.П. Горбачев, М.Х. Трофимчук;

— из 7-го выпуска (1954/55): К.Е. Скурат, А.Д. Остапов, священник П. Петров, К.М. Комаров, Н.Н. Ричко.

Молодые преподаватели столкнулись с серьезным затруднением — у выпускников отсутствовал опыт преподавания. Эта проблема была вовремя замечена Ученым советом Академии и с 1954/55 учебного года на IV курсе МДА введены практические уроки по педагогике, которые проводил инспектор профессор Н.П. Доктусов.

Светлым и памятным моментом для Духовных школ стало освящение Покровского Академического храма. Помещение, ранее занимаемое под городской Дворец культуры, передано властями в конце 1954 года в очень запущенном состоянии. С января по март 1955 года шли реставрационные работы. В середине марта из музея при Донском монастыре передан Академии иконостас XVII в. из храма преподобного Харитона Исповедника в Огородниках. Восстановление прошло в удивительно короткие сроки: уже 21 мая 1955 года Святейший Патриарх Алексий I совершил торжественное освящение.

За десять лет (1947–1957) возобновленной Академией было подготовлено большое число духовенства и преподавательских кадров (четвертая часть наставников МДА была по возрасту не старше 30 лет). Такое укрепление Церкви не осталось без внимания со стороны партийного руководства страны. В документах КПСС все нетерпимее становился тон в отношении РПЦ.

Испытание верности

В конце 50-х церковная политика государства круто изменила направление. Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев (1953–64) увидел в возрождении Церкви опасность для построения коммунизма. Начало антирелигиозной кампании положено в октябре 1958 года по секретному постановлению ЦК. Государство стало прилагать усилия к сокращению числа студентов Духовных школ. С 1962 года начались проблемы с пропиской студентов, а архимандриты Пимен (Хмелевский) и Питирим (Нечаев) привлечены за нарушение положения о паспортах (они не удалили из МДАиС 15 учащихся, живших без прописки в студенческом общежитии). Далее пошли в ход более крутые меры: принято постановление не разрешать прием в духовные учебные заведения лиц, имеющих специальное среднее и высшее образование. Началась охота за каждым (!) желающим поступить в семинарию или академию. Ставились всяческие препоны молодым преподавателям, чтобы они не могли заместить уходящих старых профессоров. Запрещалось издавать учебные пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины.

В начале 60-х почти вся корпорация Академии состояла из молодых преподавателей. Из старшего поколения остались лишь ректор протоиерей К. Ружицкий, протоиерей И. Козлов, профессор Н.М. Лебедев, доцент М.А. Старокадомский, профессор И.Н. Шабатин и профессор А.И. Георгиевский. Боль всей Акаде-

Архимандрит Филарет (Вахромеев),
ныне митрополит Минский и Слуцкий

мии вызвало снятие с себя сана и уход игумена Павла (Петрова).

Активная антирелигиозная политика СССР вызвала осуждение за границей. Для снятия подозрений в преследовании религии советское руководство позволило РПЦ возобновить международные контакты. Преподаватели Московских духовных школ стали активно посещать международные богословские конгрессы, а иностранные делегации зачастили в МДА. В Академии стали учиться студенты из разных стран. Церковь пыталась использовать изменение политики в своих интересах: под предлогом необходимости подготовленных кадров для международной деятельности при МДА в 1963/64 уч. году открыта аспирантура, заведующим которой назначен игумен Филарет (Вахромеев).

Партия готовила новое наступление на Церковь, о чем провозглашено на XXII съезде КПСС Хрущевым: к 80-м годам будет коммунизм и все увидят «последнего советского попа». Но «пророчество» не оправдалось — «хрущевская кампания» не дала результатов. В день отстранения Хрущева от власти МДА отметила 150-летие пребывания в Троице-Сергиевой Лавре. Юбилей совпал с 20-летием возрождения Духовных школ при советской власти. Эта памятная дата была отмечена 18 июня 1964 года в день очередного выпуска МДАиС. За эти годы состоялось 16 выпусков МДА (279 человек) и 18 — МДС (499 выпускников).

Новейший период

В 70-х – 80-х годах из жизни уходили последние профессора, получившие дореволюционное богословское образование: профессор протоиерей Александр Ветелев (†1976), протоиерей Михаил Сперанский, бывший ректор и профессор МДА (†1984). В малом числе оставались уже и те, кто окончил Семинарию и Академию

в первые послевоенные десятилетия. Значительную часть нового состава преподавателей составляли уже те, кто учился в Академии при хрущевских гонениях. В первой половине 70-х годов, как и прежде, был жестко ограничен прием в духовные школы. За 1972–74 годы духовные школы смогли направить на приходское служение всего лишь 219 священнослужителей, в среднем по 4 человека на епархию. Поэтому огромное значение приобрел возобновленный в 1964 году Заочный сектор при МДА, через который прошла едва ли не основная часть духовенства. 18 апреля 1973 ректором МДАиС, вместо назначенного на пост экзарха Центральной Европы архиепископа Филарета (Вахромеева), был назначен епископ Дмитровский Владимир (Сабодан). В этой должности он оставался до перевода на Ростовскую кафедру в 1982 году. Его заменил возведенный в сан епископа Дмитровского архимандрит Александр (Тимофеев), в течение многих лет исполнявший обязанности инспектора Академии.

С середины 70-х годов условия существования Московских духовных школ становятся чуть более сносными, чем ранее. Власти выдали разрешение на расширение помещений и строительство новых зданий, поэтому можно было увеличить и прием студентов. В 1969 году при Московской академии появился регентский класс, преобразованный в 1985 году в Регентскую школу, в которой занималось около 100 воспитанниц. В те времена это была единственно возможная форма женского религиозного образования.

Количество учащихся в Московской семинарии к концу 80-х годов составляло уже около четырехсот воспитанников. В конце 70-х – начале 80-х годов в Московские духовные школы приняли преподавателей с университетским гуманитарным образованием и основательными знаниями в области церковных наук, полученными путем самообразования (коллеги прозвали их «варягами»). Благодаря этому качеству преподавания в Академии удалось несколько поднять. Значительным событием в истории Академии стала проведенная в декабре 1985 года конференция, посвященная трехсотлетию основания МДА, материалы которой вышли в юбилейном выпуске «Богословских трудов».

Большим бедствием для Московских духовных школ явился пожар, случившийся в ночь с 27 на 28 сентября 1986 года. Погибло 5 студентов Семинарии, сгорела часть зданий, поврежден был и Академический храм. Это событие побудило многих православных христиан жертвовать на восстановление разрушенных и ремонт поврежденных помещений. Со своей стороны и государ-

ственные власти оказали помощь в восстановительных работах, законченных, в основном, к 1000-летию Крещения Руси. Московским духовным школам переданы были примонастырские строения с храмом, занятые прежде под больницу. В этих строениях после завершения восстановительных работ была размещена часть Духовной семинарии.

С 1992 по 1995 год Московские духовные школы возглавлял епископ Дмитровский Филарет (Карагодин), его преемником стал епископ Верейский Евгений (Решетников), соединяющий ректорство с исполнением обязанностей председателя Учебного комитета при Священном Синоде. В 2003 году возобновлено издание академического журнала «Богословский вестник».

В настоящее время в Русской Православной Церкви идет реформа духовного образования. С 2003/2004 учебного года МДС полностью перешла на новую пятилетнюю систему образования, а в Академии состоялись два набора первокурсников на трехлетнюю систему с разделением на специализации. Обновленная Академия включает 4 отделения: библейское, богословское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Константин Юдин,
4 курс МДС

Библиография:

1. Смирнов С.К. *История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870)*, М., 1879.
2. *У Троицы в Академии. 1814–1914*. Юбилейный сборник исторических материалов. Издание бывших воспитанников МДА, М., 1914.
3. Голубцов С., диакон. *История Московской духовной академии (1900–1919)*. Троице-Сергиева Лавра, 1976–1977, т. I, ч. I–II.
4. *Московская духовная академия. 300 лет: 1685–1985 // Богословские труды. Юбилейный сборник*. Издание Московской Патриархии, 1986.
5. Пушкин С., священник. *Начальный период возрождения Московских духовных школ (1944–1964)*. Профессорско-преподавательская корпорация / Диссертация. на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, МДАиС.

Исходящие — входящим *

Закончился еще один учебный год, и в жизни выпускников курсов Академии и Семинарии наступил совершенно новый этап. Что думают они о полученном духовном образовании, о времени, проведенном ими под покровом преподобного Сергия?

Священник Иоанн
ОНИЩЕНКО,
выпускник МДА'2004

В духовной жизни нет легких путей. Здесь человек идет *per aspera ad astra* (сквозь тернии к звездам — *лат.*). Но в тоже время терния — благое иго и легкое бремя. Волнение? Безусловно. Сердцем прикипел к этому месту. Я помню, что когда заканчивал среднюю школу, хотя учился в ней не 5, а 10 лет, такого не было. Связи духовные намного сильнее. Достаточно ли подготовила меня *alma mater*? А мать, когда кормит ребенка, достаточно ли она его кормит? Правильно, пока сам не оторвется от груди. Другое дело, что я смог усвоить. С этим хуже. Я давно почувствовал, что «желудок» мой слишком слаб, «материнское молоко» плохо усваивается, не говоря уже о твердой пище.

Спеть хвалебный гимн своему духовному состоянию? Конечно же, я не как прочие человецы, выпускники МГУ, МИФИ, МГИМО. Пощусь двукратно в неделю... Хорошие стороны нашего духовного образования известны. Академия не просто *magistra mater*. Она питательница. Духовная жизнь Академии концентрируется в храме и Покровский храм — ее сердце. Я вижу, как благотворно влияет Духовная школа на

* включая МДС

моих одноклассников. Какие хорошие, достойные ребята идут в монашество, как принимают постриг! Посмотришь на них, какие они хорошие батюшки, и сам, вроде, крепче стоишь, и как тот цыпленок в детской сказке: «И я тоже молодец, и я тоже удалец».

Недавно, кажется, в предисловии к книге Н.Н. Глубоковского «Жизнь и учение апостола Павла» встретил выражение «святая Академия». А еще раньше до Семинарии слышал, как один офицер-афганец говорил нашему благочинному о. Иоанну (Налапко): «Вам хорошо, батюшка. Вы закончили святую Семинарию». Академия — это часть Церкви, и «святая Академия» — не в том смысле, что у нас ректор святой, или помощники преподобные. Церковь и Академия святы, пока их наполняют хоть и грешные люди, но соединенные со Христом. Поэтому в Церкви и Академии спасаемся мы все: и ректор, и помощники, и вы, и, надеюсь, я. Когда я пришел в Духовную школу, то старался влиться в этот духовный организм, а не так: «Рука, ты мне не нужна, голова, без тебя обойдусь».

Что касается бытовых условий, приведу такую аналогию. Представьте себе, что вы на машине времени перенеслись в IV век, куда-нибудь в Фиваиду, понимаете по-коптски. И вот, вы говорите: «Отцы, не хотите ли улучшить ваши бытовые условия в Скиту или Нитрии?» Даже если бы вы хорошо артикулировали все

«чимы» и «джанджи»¹, вас бы не скоро поняли. Люди всегда искали духовной жизни не в пансионатах, а в монастырях. И в том же IV веке, например, бросали свои виллы где-нибудь в Александрии, построенные по всем «египтостандартам», и бежали к Антонию Великому.

Все бытовые условия, необходимые для обучения, в Академии есть. Последние три года учебы я жил в городе. Как-то зашел под «Чертоги» руки помыть. Как там все обустроили! Радостно за Школу, что все это происходит. Я, знаете, не из богатых мест, поэтому мне кажется, что в Академии у нас все хорошо. Храмы, иконы, сосуды богослужebные, облачения богатые, общежитие, столовая... Мы все в детстве друг дружке из ковшика поливали. Вода постоянно появилась, когда я уже в Семинарии учился. Кухня? С матушкой мы не всегда можем себе позволить так готовить, как в академической столовой. На праздники при случае с удовольствием ходили в трапезную. Хотя я, с тех пор как женился, старался не «обидеть» родную Академию. Все-таки люди семейные, без куска хлеба никогда не сидим.

Образовательный процесс — это сложнее. У меня нет высшего светского образования, поэтому требования и Академии, и Семинарии для меня были высокими. Проблема нашего образования — языки. До революции был уровень, а сейчас — нет. В то время церковное образование начиналось с 9–10 лет. В Академии языки не учили — на них читали. Сейчас в Семинарии, когда девятнадцатилетний «детина непобедимой злобы» учит латынь, что можно от него требовать? Конечно, не стоит превращать Семинарию в филологический факультет, чтобы студенты во время акафиста зубрили аористы и перфекты. Нужно, мне кажется, усилить досеминарское образование. Человек, который идет в Семинарию или Академию, должен понимать, что в высшей школе без знания одного-двух новых языков делать нечего. Поэтому в школе он должен целенаправленно заниматься и не думать, что для того, чтобы «кадить и кропить», не обязательно говорить по-французски. И древние языки он тоже должен иметь в виду. Одним древним языком, церковно-славянским, средний абитуриент в общем владеет. А так, ничего страшного не случится, если человек до Семинарии почитает учебник древнегреческого. А то потом студенты искренне удивляются: зачем знать древнегреческий, если есть русский перевод Евангелия, вот сектанты пользуются русским переводом и ничего.

С другой стороны, на общецерковном уровне стоит возрождать духовные училища, которые сейчас, как мне кажется, спешат превращаться в семинарии. В училище можно брать людей помоложе, и упор делать не на Хайдеггера и Канта, а на начальное духовное образование, языки, а в той же философии на категориальную логику Аристотеля.

**Герман
МАРШАНЯ,
выпускник МДА'2004**

В период моего обучения в Московских духовных школах начались образовательные реформы. Был открыт миссионерский отдел, сотрудником которого мне посчастливилось быть в течении трех лет. Была возможность знания и навыки, полученные в стенах Школ, применять на практике в учебных заведениях Сергиева Посада. Конечно, общую оценку подготовки будет давать священноначалие и народ Божий. Но уже сейчас нам, выпускникам МДАиС, студентам из Абхазии, удалось воссоздать на Родине, впервые за несколько столетий, Абхазские духовные школы, которые развиваются и живут по образцу и примеру *alma mater*.

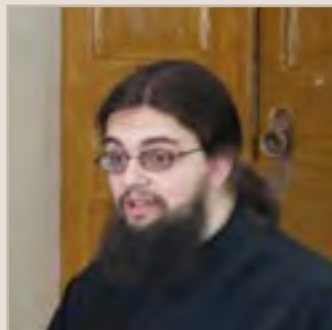
На мой взгляд, очень важно, что взрослея и мужая в Духовной академии, мы набирались пусть малого, но желаемого духовного опыта, воспринимая в Церкви, черпая из богатой церковной традиции все самое необходимое для спасения и внутреннего развития. Связь между образованием в нашей Школе и внутренним состоянием — как в сообщающихся сосудах. К чему сердце предрасположено и стремится, то и впитывает весь человек. Для наглядного примера, не могу не перейти на личности. Хотелось бы выделить двух преподавателей: В.Д. Юдина и А.И. Осипова — я бы сказал, знаковых фигур Академии в деле образования. Беспристрастное и в то же время живое освещение нашей жизни в Церкви — в истории и в богословии — это их личная заслуга. И если кому-то необходимо сделать выводы из прошлого и чему-то поучиться из богатого опыта Отцов, то пока, слава Богу, такая возможность есть.

Подводные камни духовного образования, на мой взгляд, постоянны: похоть очей, похоть плоти, житейская гордость. При восприятии образовательных дисциплин, в общении с наставниками и преподавателями, с друзьями и с недругами, надо стараться получать пользу, держаться лучшего и сторониться худшего. Так что, если что-то и вызывало гнев, обиду, зависть и другие страсти — то причина была во мне самом, а не в образовательном процессе. Но это не всегда помнишь и осознаешь.

В области образования совет один — больше практики! Это очень и очень пригодится в будущем. Ведь жизнь выдвигает свои требования, и надо знать, что тебе пригодится, а что является пустой тратой време-

¹ Буквы коптского алфавита — *прим.ред.*

ни. О бытовых условиях можно сказать так: стипендии должно хватать на покупку необходимых книг, а для нормального проживания человеку нужно 8 кв. м площади — остальное покрывает любовь и терпение.

**Священник Дионисий ХРОПОТ,
выпускник МДС'2004**

Какова роль Лавры для Академии? — Прежде всего, это духовный ориентир, маяк, свет которого пробивается из окон Троицкого собора — от раки Преподобного Сергия. Продолжатели дела Преподобного, духовники Лавры, закладывая основы не только личной духовной жизни студентов, но и учат будущих священников основам духовничества не теоретически, а практически, на личном примере.

Хотелось бы отметить и другой аспект — эстетическое воспитание. В духовной школе закладывается восприятие церковного зодчества, иконописи, пения, и уезжая из Лавры на приходы, священники восстанавливают храмы и организуют приходскую жизнь, имея перед глазами непререкаемый авторитет Лавры. Да и сами стены являются надежным укрытием от бурь и невзгод, соблазнов и разочарований, которые обильно посылают мир на всех, особенно на молодежь. Надо ценить каждый день, прожитый в лаврских стенах. Хочется верить, что и мои годы, проведенные в Духовной школе, были использованы в полной мере.

Для себя главной целью я ставил изучение предметов, непосредственно связанных с деятельностью священника-пастыря. И это не только лекции по литургики, это прежде всего практическое участие в службе: пение в хоре, совершение богослужения. Где еще можно найти такие идеальные условия — каждое твое действие контролируется, можно получить ответы на любые вопросы, возникающие по ходу службы. И не надо бояться замечаний, надо помнить слова великого педагога В.О. Сухомлинского: «Не бойтесь людей, которые вас ругают, бойтесь равнодушных».

В последнее время часто приходится слышать, что очень мало учащихся принимают в стенах духовных школ священный сан. Пытаются увязать это с причинами духовного плана, хотя на самом деле причины более прозаичны — экономические. Да, обучение бесплатное. Да, питание бесплатное. Да, проживание бесплатное. Мы ценим все это, но проживание бесплатно только для студентов. Неоднократно высказывалось пожелание, чтобы была найдена возможность для создания общежития для семейных, тогда

количество рукополагаемых резко возрастет. Не все могут снимать однокомнатную квартиру за 100–200\$ в месяц, а зарабатывать такие деньги без ущерба для учебы крайне сложно, поэтому нередко сразу после рукоположения многие студенты переводятся на заочное обучение.

Уходя из стен духовной школы, необходимо представлять себе этот мир и помнить о словах апостола Павла, говорящего, что нас ждут *беды от разбойников, беды от сродников*, и особенно *беды во лжебратии*. Это последнее обстоятельство особенно тяжело, но оно — факт, надо быть к нему готовым, чтобы избежать духовной травмы.

Мое пожелание младшекурсникам: храните традиции Школы, воспитывающей вас, умейте не только использовать ее ресурсы, но и восполнять их трудами и молитвами. Молитесь за своих наставников и друг за друга — и в этом будьте едины.

Постарайтесь в начале своего обучения выбрать направление, согласно которому вы хотели бы двигаться, понять, для чего вы учитесь: чтобы стать священником, филологом или преподавателем? Не забывайте слова Козьмы Пруткова, что «нельзя объять необъятное». Этим я не призываю учить один-два предмета из общего курса — нет! Учить надо все. Просто надо знать, что тебе нужно от обучения, и уделять свободное время интересующим тебя предметам. А в жизни пригодится все, чему здесь учат.

Вспоминается случай, происшедший со мной в первом классе. Я долго спорил с игуменом Никифором, преподавателем церковного пения, что мне, басу, зачем учить партии второго тенора, а тем более знаменные догматики, которые нигде и никто по приходам не поет.

И вот, на Пасху того же года меня в составе квартета направляют петь в Москву. Конец Страстной, Пасху мы кое-как спели, а на Пасхальную вечерню остались без регента (он уехал в свой храм) и простывшие. Я еще сохранил остатки голоса, и мне одному пришлось петь вечерню. Вот тут-то пригодилось и знание гласов, и обиход, и знаменный догматик.

Уже будучи священником, мне приходилось общаться с различными людьми, в том числе и с представителями других религий, и вообще неверующими. И в этих беседах пригодилось и знание истории, и текстология, и религиоведение. И не раз добрым словом вспоминал преподавателей, вкладывавших в нас эти знания, и отмахивавшихся от наших «нам это не пригодится в жизни». Как показывает опыт, пригодится все.

Также старайтесь максимально взять то, чего не найдешь в книгах — опыт старейших преподавателей и профессоров. Учитесь главному — методу их работы. Книги, по которым они готовят лекции, можно взять и прочитать. А метод работы нужно перенимать, и тогда вам, вооруженным столь мощным инструментарием, будут не страшны никакие жизненные испытания.

Святитель Филарет и Академия

Архиепископ Филарет (Дроздов) вступил на кафедру московских святителей 28 июня 1821 года, и с этого дня 46 лет Академия находилась под его непрерывным отеческим попечением.

Среди множества занятий по делам епархиальным и общецерковным, которые требовали от молодого архиерея неутомимой деятельности, святитель Филарет находил время следить за учебным процессом и порядком управления в Академии. Обязанность ее опеки и надзора возлагалась Синодом на Первосвятителя Московского, который почти ежегодно присутствовал на открытых испытаниях студентов. У экзаменующихся кроме благоговейного трепета всегда замечалась нескрываемая радость и любознательность — они ловили с жадностью комментарии и объяснения трудных вопросов, которые давал мудрый архипастырь. Более студентов боялись экзаменов наставники Академии, для которых наступал момент истины: по ответам учеников святитель Филарет заключал о качестве преподавания. Профессор философии Ф. А. Голубинский всякий раз на публичных экзаменах записывал слова Святителя, извлекая из них решения сложных вопросов. Он признавался, что живая речь митрополита была так совершенна по форме, что в ней не замечалось погрешностей ни в мысли, ни в языке — можно было сразу издавать печатно.

К совершенству слога и мысли

Святитель Филарет внушал сдающим экзамены, что их ответы должны быть точными, без лишних слов и уклонения мысли в сторону. Наставления Святителя и высокий стиль его речи сильно влияли на качество слога в сочинениях академистов, хотя работа по его улучшению стоила им больших трудов. Для курсовых сочинений Святитель сам пересматривал темы, отменял, изменял, добавлял свои. Читая студенческие сочинения, он знакомился с направлением мысли питомцев Академии, с их умением владеть словом. Его внимание останавливалось на каждом неудачном слове, неправильном обороте речи, а иностранные термины он называл варварскими и не допускал их использовать. Студенты трепетали от такого отношения: «Вчера вечером в десятом часу приехал сюда (в Лавру) Митрополит. Сердца наши дрогнули... Сданы от Митрополита два рассуждения в печать — одно Аничкова о крестных ходах, другое Левитского о поведении христиан первых веков в отношении к неверным. Много замечаний на том и на другом» (из студенческого письма будущего ректора МДА С. К. Смирнова).

Старший курс Академии почти не слушал лекции, готовя письменные работы. Ходили на лекции по очереди, чтоб не сорвать занятия, особенно во время пребывания в Лавре митрополита Филарета. Это происходило оттого, что экзамены к концу курсов были чисто формальными, как тогда выражались: «только для видимости и для митрополита Филарета»; готовились к ним

по указанным книгам и тетрадкам небольшого объема. Главная же оценка способностей и развития студентов была по сочинениям, на которые были обращены все их внимание, занятия и труды.

Однако святитель Филарет экзамены не считал формальностью. Он замечал и исправлял небрежное отношение к ним как преподавателей, так и студентов. Например, в 1838 году на ректорском представлении конспектов стоит его рецензия: «Конспект слишком отрывочный, вообще имеет неприятный вид. Он ведет к подозрению, что хотят немножко выучить на память и прочесть... Статьи для открытого испытания берутся слишком короткие. Это стесняет испытующего, а испытываемого располагает к буквальному повторению уроков...» Митрополит старался отвратить студентов от бездумного зазубривания, привлечь их к творческому освоению изучаемых предметов. Он боролся за истинное, непоказное знание, и в его резолюции 1842 года читаем: «Напомним студентам, хотя сие само собой должно быть известно, что знание главных истин, готовое к ответу всякому вопрошающему, есть первое на потребу, которое может быть украшено и дополнено знанием подробностей, но в котором усмотренный недостаток не был бы покрыт изученным знанием подробностей в той или другой части науки».

Попечитель Академии

Почти каждая работа подвергалась справедливому критическим замечаниям святителя Филарета. Каждое ученое поручение, исполняемое Академией, каждый ученый труд непременно представлялся на его рассмотрение. И это не было формальным требованием, научная редакция Святителя приносила огромную пользу. При нем активно начали переводить на русский язык творения святых отцов Церкви. Когда на первом году их издания святителю Филарету были переданы на проверку оригинальные статьи и переводы (вероятно, с мыслью, что он не будет особо вчитываться), то он выражает сожаление, будто его хотят отстранить от нужного и любимого дела. Но в то же время не навязывает, а предлагает свое участие: «Перевод одного слова святителя Григория Богослова и несколько другого я исправил и отдаю на суд Комитета, к лучшему ли сие сделано. Вероятно, переводчики встречали места особенно затруднительные и сомнительные. Такие следовало бы именно указать, чтобы я мог ими заняться. Ибо как не понять, что мне нельзя сидеть и проверять строку со строкою перевода и подлинника от первой до последней?»

Ему представляли для оценки каждую оригинальную работу или статью, в чем Святитель никогда не отказы-

вал, но по недостатку времени иногда задерживал проверку. Тогда он извинялся в письмах: «Не нужно вам скорбеть о том, что дали мне несколько труда чтением вашего сочинения. Надобно только то, чтобы вы не были взыскательны с меня за медлительность».

Полное и деятельное влияние на Академию святитель Филарет имел в управлении административном: его высокое значение как попечителя Академии в отношении к высшим властям давало быстрое прохождение и благоприятный исход различным академическим делам. Назначения, награды, перемещение, увольнение правления и наставников Академии, назначение ревизоров в подведомственные семинарии, состав курсов, преподаваемых в Академии, контроль за поведением студентов, дела по ремонту зданий, разнообразные отчеты — все это было предметом неослабевающего внимания со стороны опытного иерарха. Он желал знать все, что совершалось в обширной области его учебного управления. Множество документов, свидетельствующих личное участие святителя Филарета практически во всех делах жизни Академии тем более вызывает удивление, если учесть, что это только небольшая отрасль его деятельности на Московской кафедре.

«Грейтесь и питайтесь»

Наконец, нельзя обойти вниманием огромную материальную помощь Академии от святителя Филарета, как из личных средств, так и из бюджета Московской епар-

хии. Несмотря на попечение правительства, которое дважды повышало жалование наставникам академий, средства на жизнь у преподавателей оставались весьма скудные. Зная об этом, митрополит Филарет определил с 1865 года ежегодно выдавать 7 795 рублей из средств Московской епархии в дополнение к жалованию наставников. С этого же года для компенсации нехватки средств на содержание студентов ежегодно стала выделяться сумма в 3 915 рублей. А ранее, в 1862 году, Святитель предложил Лавре содержать часть воспитанников, которые прошли по конкурсу, но им не хватило мест с казенным содержанием: «Предлагаю собору Лавры дать сим студентам помещение и братский стол...» Что и было исполнено. Подобная помощь была оказана малоимущим студентам и в следующие годы, причем число содержащихся Лаврой возросло до 16 человек. Жертвовал святитель Филарет из своих средств на пополнение библиотеки, устроил кабинет для опытов по физике, помогал в ремонте зданий. На его средства построен новый корпус и устроен водопровод в Академии. На праздновании 50-летнего юбилея перевода МДА из Москвы в Лавру Святитель говорил: «Академия при открытии ее поставлена была в скромное, но удовлетворительное хозяйственное положение. Время сделало оное скудным». И со своей стороны сделал все, чтоб улучшить быт студентов и жизнь преподавателей.

Чудеса при жизни Святителя

Святитель Филарет был дерзновенным молитвенником и ходатаем пред Богом за всю свою паству, в том числе и за подвизающихся в Академии. Ректор МДА протоирей Александр Горский бережно собирал примеры особого действия благодати Божией, явленной через святителя Филарета, и в последние годы жизни Святителя составил заметку о его чудесах, дошедшую до нас в архиве ректора МДА протоиерея С.К. Смирнова. Приведем некоторые случаи, описанные в этой заметке:

1. В декабре 1855 года исцелил К. И. М., больной горячкой, который во сне видел Святителя служащим всемогущим бдением в церкви «Николы – Большой Крест» и кадившего на полиелее.

2. Девочка 8 лет, расслабленная, была в храме поднесена на руках к Святителю и, приняв от него благословение, вышла из церкви уже на своих ногах и укрепилась.

3. Исцелила девица, которая до 7 лет говорила, но потом от испуга стала немой. В возрасте 20 лет приведена была к Владыке в Гефсиманский скит. Владыка приказал ей, во-первых, произнести свое имя, вслед за тем заставил произнести молитву Господню. На первый раз она произнесла, но нетвердо. Благословив ее, заставил проговорить во второй раз. И немая исцелилась.

Помощь митрополита Филарета не оскудевает и после его кончины, и в наше время. Не престанем же и мы просить его ходатайства и помощи в наших нуждах учебных и житейских, а более всего на пути к Вечности.

Святителю Христов Филарете, моли Бога о нас!

Константин Беляев

АКАДЕМИЯ В ЛИЦАХ

Заслуженный профессор МДА К.Е. Скурат: Воспоминания о детстве

Часто, говоря об истории и славных традициях нашей Духовной школы, мы не задумываемся над тем, что за словом «Академия» стоят судьбы конкретных людей, посвятивших свою жизнь служению Богу и Церкви. В их судьбах находят отражение прошлое, настоящее и будущее «духовного вертограда».

Одним из таких людей является Константин Ефимович Скурат — заслуженный профессор МДА, её бессменный преподаватель с 1955 года, известный патролог, доктор церковной истории.

Предлагаем вашему вниманию воспоминания Константина Ефимовича. Знакомство с ними даёт уникальную возможность соприкосновения с эпохой, в которую начинался жизненный путь этого, по словам Святейшего Патриарха Алексия II, «труженика и подвижника нашей богословской науки», оказавшего заметное влияние на жизнь Академии в послевоенный период.

В эти Рождественские дни 2004 года, я вновь¹ сажусь за письменный стол, чтобы вспомнить нечто из прошлого — от детских лет и до библейских. Именно Рождество Спасителя напомнило и мне, что когда-то было и мое маленькое явление в Божий мир, и вот уже идет 75-ый год пребывания в нем. За это время произошло много событий: и светлых и серых, и добрых и лихих. Последние, слова Богу, забываются, а первые — светлые, добрые — сохраняются в памяти, живут в сердце...

Как и перед написанием моих первых воспоминаний, я и ныне обращаюсь к нашему Спасителю с тем же молением:

«Господи, помоги мне вспомнить и сказать правду, и только правду! Если же сказать ее нельзя и сегодня, то не допусти меня даже до малейшей лжи или лести, или до такой правды, которая не принесет пользы».

Родители

К моему глубокому сожалению, о родителях я знаю очень мало. В селах ведь не принято рассказывать о себе — живут крестьяне в постоянных заботах, в труде, некоей изолированности, ограниченности интересов и потребностей. Расспросить же о родителях уже некого: ушли в мир иной все близкие родные и соседи. Знаю только, что папа — Ефим Устинович — уроженец села Комайска, а мама — Татьяна Самуиловна — соседнего села Гечанцы. Познакомились же они в Петрограде, где оба работали на Путиловском заводе. В 1918 году, когда жизнь в городе осложнилась, они вернулись на родину, где и вступили в брак.

Папа был большим умельцем, о таких говорят: «у него золотые руки». И действительно, кажется, он все умел; во всяком случае, он делал многое, разнообразное: ковал медные кружки, тазы, кастрюли, делал ножи, без конца что-то паял и пилил; у местного помещика — гордого Вульмера — он заведовал всей техникой небольшого завода. Сейчас, вероятно, сказали бы: был главным технологом. К тому же он был прекрасным гармонистом — гармонь в его руках заливалась не хуже стайки соловьев. Играть он очень любил — выйдет

¹ Первые мои воспоминания были завершены 29 июля 1998 года. Они относятся к годам моего обучения в Минской духовной семинарии (1947–1951) и Московской духовной академии (1951). См.: Скурат К.Е. «С 1947 года... (воспоминания)» // «Богословский вестник», вып. 3, Сергиев Посад, 2000, с. 18–60.

вечером на улицу, сядет на скамеечку — и польются реки «дунайские», «амурские», местные... А с каким задором играл он белорусскую польку — прохожие невольно начинали пританцовывать! Особенно потешно было смотреть на пытающихся танцевать старушек и старичков...

Трудно поверить, что никого из них уже нет в живых... Деревня опустела... Боже мой! Как летит время и с какой непобедимой силой уносит все с собой...

Самое важное то, что отец был глубоко православным человеком и входил в состав приходского совета нашей Комайской церкви во имя пророка Илии, приписанной к Докшицкой городской церкви. Богослужения он старался посещать неопустительно. Если же он по какой-либо причине не мог пойти в Божий храм, то сажал меня за богослужебные книги и велел читать всю Божественную литургию — от начала и до конца. Сам стоя слушал, иногда поправлял меня. И только после такого «богослужения» приступал к делам, а мне разрешал брать санки и бежать на близлежащую горку. Примечательно, что если я, в отсутствие отца, что-то сокращал в Божественной литургии (ради ускорения) — на горке непременно происходило что-либо неприятное для меня, то я разбивал до крови нос, то раздирал штанишки, то меня кто-либо обижал.

В 1936 году советские войска «освободили» нас от «гнета» панской Польши (я забыл сказать, что мы жили в Западной Белоруссии возле самой польско-советской границы, примерно метров 600–700). Это «освобождение» все верующие хорошо запомнили, ибо сразу же советские власти стали закрывать храмы. Метод закрытия был предельно простой, но и предельно издевательский: облагали храм податью, верующие собирали по копейке и платили налог, но только они успевали вернуться домой, как вслед за ними приходили новые и новые извещения на налог, причем каждое новое извещение было страшнее предшествующего. В конце концов, верующие изнемогали и со слезами уходили из храма. На двери храма сразу вешали замок и никому не разрешали к храму даже приближаться. Это попрание православных святынь, в том числе и Комайской церкви², все мы глубоко и страдальчески переживали. Я хорошо помню, как после одного из богослужений вышел из алтаря седенький митрофорный протоиерей Николай Плещинский (потом он направлял меня в Минскую духовную семинарию — Царство ему Небесное) вышел на солею прекрасного каменного храма, им же недавно (при Польше) построенного и дрожащим голосом со слезами на глазах сказал: «Дорогие братья и сестры, дорогие прихожане сего святого храма! Нам снова прислали налог...» Больше он говорить не мог, а вскоре храм был закрыт... Отец принимал все близко к сердцу и продолжал ходить на общую молитву.

С приходом в 1941 году немцев ситуация несколько изменилась: стали открываться храмы, колхозы разваливались, появились молодые священники — на некоторое время мы ожили.

С профессором М.А. Старокадомским и игуменом Марком (Лозинским)

Отец во время немецкой оккупации тяжело заболел: что-то случилось с желудком. Поставить диагноз некому было, да и лечить было невозможно, и 18 июня 1943 года он отошел ко Господу. Верю, что отошел именно ко Господу, потому что и жизнь его была православной и кончина блаженной. Перед самой кончиной он, прежде всего, позвонил к себе мою маму и нас троих братьев: Феодора (†1993), Ивана (†2002) и меня. Подошли сначала мама и братья, я же в испуге стоял у порога. Отец благословил их и сказал: «Слушайте во всем маму и живите в мире». Затем, взглянув на дрожащего меня, он позвонил к себе, благословил крестным знаменем и произнес: «Молись Богу, и Господь устроит твою жизнь». Затем начал ограждать себя крестным знаменем: положил три перста на чело, на грудь, на правое плечо и когда нес руку к левому — она упала и застыла до Второго Славного и Страшного Пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

Во время болезни отца запомнился еще один случай: кто-то начал стрелять в другом конце деревни, поднялась паника, что расстреливают односельчан, все бросились бежать из домов в поле, лес, прятаться во ржи, кустах, ямах... А что нам делать? Ведь в избе тяжело больной, унести его нельзя. И вот отец, помню, строго всем нам приказал: «Немедленно бегите!» Мы со смущением и великой болью вышли из дому и побрели к ближайшему полю, засеянному рожью. Присидели там недолго, стрельба кончилась, и мы вернулись. Длилось это минуты, а нам они показались вечностью!

² О судьбах Комайской церкви см. в моей брошюре «Необыкновенное в обыкновенном», Клин, 1999, с. 8–18.

Мама была очень добрым человеком, спокойным, мягким, любила ходить в храм Божий, хотя он находился на значительном расстоянии от Комайска (примерно километров 7–8). В нашей же Комайской церкви, как приписной, богослужение совершалось редко (сегодня оно совершается, слава Богу, чаще). С собой мама всегда брала и меня. И вот однажды (это было до 1939 года) мы пошли на литургию с желанием причаститься Святых Христовых Таин. Дорога длинная, пока мы шли, пока совершалось богослужение, я так захотел есть, что задрожали и ноги, и руки. У мамы я настойчиво стал просить хлебушка, который мы принесли из дому. Мама отказала. И тогда я заявил, что если она не даст мне хлеба, я достану из своих карманов хлебные крошки (у деревенских мальчишек они почти всегда есть) и съем. Мама растерялась, вывела меня из храма. Я же действительно достал крошки, посмотрел на них — и вдруг у меня появилось желание бросить их воробушкам, прыгающим у моих ног. Добрая мысль была приведена в исполнение — и тут же голод сняло как рукой.

Когда я поступил в 1947 году в Минскую духовную семинарию (находится в Гродненской области), мама, хотя и очень желала, чтобы я учился, но провожала меня вся в слезах. Да и потом всякий раз, когда после каникул нужно было снова ехать на занятия, она всегда плакала. Бывало, проводит меня до конца деревни, благословит и останется стоять: стоит и смотрит мне вслед. Я пройду метров 100–200 оглянусь, пройду и еще оглянусь, а она все стоит и стоит, вытирая платочком глазки... Мне и сейчас кажется, что она стоит там до сих пор и ждет, когда вернется ее Костенька... А мне так хочется ей сказать: «Дорогая мамочка, не скорби — ведь не зря же ты меня с такой любовью провожала, стараясь заполнить чем-нибудь вкусненьким все мои сумочки, да еще наказать: «не забудь, в правом уголке лежат яблочки и помидорчики». Осталось ждать немного и, если будет на то милость Божия, мы скоро встретимся и уже никогда не расстанемся...»

Кончина мамы (†19 марта 1960 года), как и папы, была христианской. За два или три дня до кончины я навестил ее в больнице. Она внимательно, ласково и долго смотрела на меня, простилась со мной, поцеловала и, осенив крестным знаменем, сказала: «Спасибо тебе, что ты приехал и застал меня живой... Хотелось бы увидеть внука³, но уйду... Живите с Богом, в мире...»

Похоронили мы маму в одной ограде с папой. Брат Иван сделал из цемента два креста с основаниями, а я из Москвы привез две белых мраморных плиты, на которых вырезали такие слова: у папы — «Христос Воскресе», у мамы — «Воистину Воскресе». Рядом с ними лежит и внучок — младенец Иоанн, сын моего брата Ивана.

«Знаменитые путешественники»

Родился я 29 августа 1929 года — на следующий день после двенадцатого праздника — Успения

Божией Матери, когда Святая Церковь вспоминает Перенесение из Эдессы в Константинополь Нерукотворенного Образа Господа нашего Иисуса Христа (944 год). В этот же день чествуется и Феодоровская икона Божией Матери (1239 год). Так как я появился на свет слабеньким, то меня окрестили очень вскоре, 1 сентября. Упоминание града Константинополя определило мое имя. Родители мои считали, что каждый родившийся приходит «со своим именем», именем дня святого. Так получили свои имена и мои братья Феодор и Иван. Но в моем рождении есть некая особенность. Она состоит в том, что крестивший меня священник день крещения записал как день рождения. Потом с приходом советской власти его записи были изъяты ЗАГСом и с тех пор юридически у меня день рождения 1 сентября, а фактически — 29 августа. Но я радуюсь тому, что знаю и день моего духовного рождения в святом Таинстве Крещения.

В детстве у меня был большой друг — сосед Сережа. Он был немного старше меня (скончался в 12-летнем возрасте). Его постоянно куда-то влекло — в поле, в лес, к речке, а то и за границу — на советскую территорию. От него я никогда не отставал — и стали мы «знаменитыми путешественниками». Родители наши, из-за боязни, как бы что не случилось с «путешественниками», чинили нам всевозможные препятствия. Но они не могли держать нас все время взаперти. А нам с Сережей достаточно было несколько минут для сборов и «отчаливания». Нередко бывало так, что мы накануне назначали секретное место для встречи, потихоньку встречались, намечали маршрут и отправлялись. Впрочем, иногда на обсуждение маршрута не было времени, и потому по команде Сережи я следовал за ним, ничего не зная, куда он поведет. Домой возвращались только вечером — голодные, но не унывающие. Правда, подчас мы захватывали с собой кусочки хлеба, но, как правило, подкреплялись дарами природы — ели даже травку.

Помню, однажды куда-то далеко мы забрели, а стала надвигаться гроза, сверкала молния, грохотал гром, подул холодный ветер. Стало и зябко, и страшновато, и голодновато. Я взмолился к своему затейнику, чтобы он отвел меня домой. Но он был непреклонен. Тогда я решил было уйти сам, но как только отходил от него на метров десять, он истошно начинал кричать мне вслед: «Глядзі, пад тым камнем сядзіць Ганна!» — Ганна (Анна) была нашей соседкой и неделю тому назад умерла. Это «дружеское» предостережение словно током отбрасывало меня назад в прежние «объятия» друга. Я снова становился его послушным спутником, ожидая, пока он изволит завернуть наш путь к дому.

А бывало и поинтереснее: под руководством Сережи мы вдвоем несколько раз пересекали польско-советскую границу. И удивительно, ни разу не попались в руки пограничников. То, что нас не углядели польские пограничники — неудивительно: они как-то лениво проходили по тропинке вдоль заграждения из очень колючей и довольно опасной для наших штанишек проволки. Мы легко их отслеживали, и как только

³ Мама видела только фотографию Коли (родился 8 июня 1959 года).

Со схиархимандритом Митрофаном в Жировицкой обители

С архимандритом Кириллом (Павловым) на празднике преподобного Сергия

они скрывались за горкой, мы выходили из засады и пробирались сквозь «государственные препятствия». Но вот как нас не выловили советские пограничники — не могу понять до сих пор. Они зорко следили, чтобы враг не прорвался на их «священную» землю. Советские пограничники все время разъезжали вдоль границы на прекрасных лошадях, да и форма у них была что надо. Тем не менее мы оказались проворнее их. Это еще яснее становится, если читатель узнает, для чего же мы пересекали границу и становились государственными преступниками. А вот для чего: по ту сторону границы, на советской территории стоял пограничный столб, а на столбе красовались серп и молот. Как же было не соблазниться и не снять одно и другое со столба — какое прекрасное дополнение к нашим игрушкам! И мы сняли. А как? — Сережа становился на четвереньки как более крепкий, а я брал камень в руки и начинал им выламывать советские регалии. Сколько раз повторялись такие дерзкие выходы, не знаю, но в конце концов серп и молот оказались в наших руках и мы счастливые принесли их домой. Но тут нашему счастью пришел конец. Когда родители увидели «игрушки» и узнали, каким образом они добыты — пришли в неопишувемый ужас. Ну, а нам досталась хорошая порка березовыми розгами (благо в деревне берез много). Кроме того, на некоторое время мы были полностью изолированы. Когда нас выпустили из домашнего ареста — первая мысль была: а где добытый наш «скарб»? Мы пытались было потихоньку разыскать его, но наши усилия оказались тщетными. Напуганные родители сумели надежно спрятать взрывоопасное...

Как я скорбел, горевал, когда скоропостижно скончался Сережа! Эта скорбь не прошла до конца и сегодня, когда мне скоро исполнится 75! Всегда, когда я приезжал в Комайск, шел на кладбище к могилам родителей и подходил к маленькому, теперь заброшенному холмику Сережи. Подолгу стоял я возле него, и в мыслях пробегало много-много: то я снова переносился на просторные родные поля, то направлялся с Сережей в школу, подхватывая камушки и бросая их далеко-далеко, то забирался на крышу своего дома и терпеливо ждал, когда Сережа появится в том же положении, только у его хаты, то собирал по приказанию Сережи какие-то травы и корни для подкрепления ослабевших сил за долгий летний день... Иногда, стоя у его могилы, я улыбался, а чаще на глазах появлялись слезы... Упокой, Господи, душу отрока Твоего Сергия, прими его в Свои небесные селения — ведь он был славным мальчиком!.. Дорогой Сережа, ведь мы с тобой встретимся и будем вместе славить Творца Неба и земли!

С детства родители приучали меня к труду. В Польше вся земля принадлежала частникам. Наша семья имела четыре десятины земли — это немного больше четырех гектаров. Но у нас были: 1–2 лошади, столько же коров, 10–15 овец, 3–4 свиньи, 20–40 кур. Летом на лошадях уезжали в поле на работу, коровы и овцы выгонялись «на паству», а свиньи, куры и прочие домашние животные оставались в хлеву или «на панадворку». За ними надо было смотреть и вовремя кормить. В летнюю страду все взрослые уходили на полевые работы, а меня — мальчика (ведь это было до 1939 года) — оставляли хозяйничать дома. Надо было собрать и порубить для свиней траву, несколько раз

Выпускной курс Минской духовной семинарии, 1951 год

посыпать зерно курам, накопать к ужину картошку и почистить ее, помыть посуду, подмести полы, навести порядок и в доме, и на «панаворку»... Упустить что-либо было невозможно — и я все это делал!

В праздничные дни я очень любил ходить в храм Божий, особенно в нашу Комайскую церковь. Помню, приду за несколько минут до начала богослужения, стану впереди возле самой солеи и так простою, стараясь даже не шевелиться, до самого конца. Глаза мои были устремлены только к иконам иконостаса — все земное для меня переставало существовать. Вот так бы молиться всю жизнь!..

Школа

Учиться я очень любил, да что я говорю — любил — я и сейчас не потерял этой любви к учебе. И сегодня во мне сохранилось, я бы сказал, умножилось стремление к познанию, тяга к книге, к чему-то новому. И сегодня, мне кажется, что многое для меня неизвестно, что в просторах науки (прежде всего, духовной) я где-то затерялся, что надо еще идти и идти, а горизонт знаний все подымается и отодвигается — так просто к нему и не подойдешь... Убедительным свидетельством этой тяги было то, что на старости лет (после шестидесяти) я взялся было за доучивание английского языка и лишь сердечные приступы заставили меня убрать подальше все учебники... Можно было и еще кое-что добавить к этому, но боюсь, что потребуются лишние страницы, которые читатель, скорее всего, перелистнет, как что-то ненужное...

Начальное и среднее образование мое сложилось из школ польской (в Польше), советской (в 1939–1941), немецкой (1941–1944) и снова советской.

В польской и немецкой школе наряду с другими предметами изучали и Закон Божий. Преподавал его диакон Докшицкой церкви Владимир Старикевич. Так как в польской школе разрешались и физические наказания (в немецкой — не помню, а в советской — известно: строго запрещалось бить учащихся), то диакон пользовался ими весьма сурово (может быть, потому и запомнился). Неподготовившегося к уроку диакон ставил в угол на колени. Иногда на пол посыпали жерстью (крупный песок), которую приносили от соседней гор-

ки. Более провинившиеся должны были поднять штанишки и стать на песок голыми коленками. Когда я учился в Минской духовной семинарии и, приезжая домой на каникулы, посещал храм, где служил Старикевич, он брал меня за плечи и громовым голосом пред лицом причта и гостей докладывал: «Это мой ученик! Смотрите!» Ох, как мне хотелось напомнить ему, как он нас муштровал, но решимости не хватало — не хотелось портить настроения... К тому же за это время, пройдя через горнило военных испытаний, он стал уже совсем другим человеком.

Военные годы на время прервали мое обучение⁴. Но я, приученный с детства к труду, продолжал заниматься самостоятельно: изучал математику, физику, химию, историю, литературу... За время самообучения я всего-навсего получил не более пяти консультаций по математике. Все прочее изучал по учебникам и сразу поступил в 10-ый класс одной из московских вечерних школ. Я не оговорился, сказав, что поступил в московскую школу (она находилась недалеко от Богоявленского Елоховского собора). Да, это было тогда, когда я уже пребывал в Московской духовной академии. Заниматься в 10-м классе было нелегко: кое-где чувствовались пробелы, но самая большая трудность была в ином. О том, что я учился, в Академии никто не знал, а в школе не знали, кто я. Если бы узнали, то мне бы грозило: в лучшем случае — исключение из школы, в худшем — и из Академии. Обстановка осложнилась еще тем, что в школе я учился на «отлично», и меня на учительском совете определили «повесить» на доске почета. Для меня это было, действительно, «повешенье». До сих пор меня в лицо знал только наш класс, а теперь узнает вся школа. Я, естественно, стал убегать от фотографа под разными предлогами. Но меня просто-напросто «выловили» — я пришел в школу, а классный руководитель вызвал фотографа. Деваться некуда. И вот я оказался во втором полугодии на доске почета (у меня где-то хранится фото всех нас на доске почета). Пребывал я на ней и в первом полугодии следующего учебного года, когда меня в школе уже не было. Школу я окончил с серебряной медалью. И опять искушение: сразу мне не смогли выдать медаль и потому отложили до праздничных дней школы, чтобы вручить ее в торжественной обстановке. Но этого мне как раз и не нужно было. Я опять-таки не являлся к назначенным срокам. В конце-концов мне выдали ее в присутствии нескольких преподавателей... А напоследок хотелось бы сказать несколько слов о своих учителях: они были любящими, понимающими, преданными своему делу. Некоторые их методы преподавания я усвоил настолько крепко, что вот уже в течение более четырех десятков лет применяю их в своей преподавательской работе... Спасибо Вам, многоуважаемые мои учителя⁵. Да хранит Вас Господь в мире и благополучии! А если кто из Вас ушел в мир иной, да примет Вас Господь с милостью!

⁴ См.: «С 1947 года... (воспоминания)», с. 20

⁵ Некоторых преподавателей я помню по именам, но не называю, ибо не знаю, угодно ли им будет.

В поисках утраченного онтологизма

Философская школа Московской духовной академии

Окружение, атмосфера эпохи, внешняя обстановка и даже местность глубоко связаны и символически соответствуют утверждающимся в них человеческим убеждениям. Так философию Владимира Соловьева трудно представить без Университета, переполненных аудиторий и объемистых монографий; мировоззрению Достоевского удивительно соответствует беспокойная, надрывная жизнь холодных петербургских улиц; говоря о славянофилах, сразу же представляются салоны, споры, светское общество. Атмосфера, в которой развивалась философская школа МДА — это тишина, деревенские домики, сирень в палисадниках и, главное — Лавра, Троицкий собор, мощи преподобного Сергия, множество паломников со всей страны и горячая вера.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

Возникновение самостоятельной философской школы в Московской академии следует отнести к 20-м – 30-м годам XIX столетия. Это было время философского пробуждения русского общества, эпоха, по выражению Достоевского, «впервые сознательно на себя взглянувшая». Молодежь буквально бредила философией, причем влечение это носило даже некоторый бессознательный-религиозный оттенок: само «слово «философия» имело в себе что-то магическое» (И.В. Киреевский). В образованном обществе, уже изрядно охладевшем к Православию, философия (в тот момент — немецкий идеализм) воспринималась как светский аналог, заместитель «устаревшего» христианства, определяющий и нравственность, и духовность, и смысл жизни. «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Колумб в XV-м, — он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали какие-то баснословные предания — его душу» (В.Ф. Одоевский).

Духовные школы, влияя и сами подвергаясь влиянию пробуждающейся секулярной мысли, занимали, однако, совершенно особое положение в философски развивавшемся обществе. Изучению философии в них уделялось традиционно большое внимание (вспомним классическое деление семинарского курса: риторика — философия — богословие). Весь XVIII век Московская и Киевская академии являлись основными центрами философской культуры. И в XIX веке, в то время как университетское преподавание философии (для мно-

гих — синоним вольнодумства) находилось в крайне стесненном положении — доходило до исключения курса философии из учебной программы — воспитанники Московской академии имели возможность знакомиться с трудами новейших западных мыслителей.

Еще в начале XX века профессор МДА П.В. Тихомиров пишет: «Поговорите вы с любым священником, — он не без гордости отметит, как отличие пройденной им школы от светской, изучение философии в семинарии...» А вот отрывок из письма Н.В. Станкевича, создателя известного литературно-философского кружка в Москве, М.А. Бакунину: «Я начал искать какого-нибудь профессора семинарии, какого-нибудь священника, который бы помог, объяснил мне непонятное в Канте. Тем более, что это не понятно не по своей глубине, а просто от незнания некоторых психологических фактов, давно признанных и знакомых, может быть, всякому порядочному семинаристу, — а мы, люди, воспламененные идеями, путаемся и падаем на каждом шагу от того, что не учились в школах» (1835 г.).

Следует отметить и слабую сторону образования в духовных школах XVIII – начала XIX века — заметную несамостоятельность. Курсы философии часто являлись или переводами, или обработками иностранных учебников. Разнообразие этих курсов определялось лишь тем, какие руководства брались за образец — католические или протестантские.

Академия в Троице-Сергиевой Лавре

Самостоятельная, полноценная философская жизнь академий начинается лишь после Отечественной войны 1812 года, когда все общество переживает необыкновенный культурный подъем. Новый устав 1814 года вводит преподавание истории философии уже в семинариях, тем самым давая учащимся «понятие об истинном духе философии», чтобы «приучить их самих к философским исследованиям и ознакомить с лучшими методами таких изысканий». Но и без специальных указаний начальства студенчество активно участвует в «таких изысканиях». «Пусть обучавшиеся в то время в Академии припомнят те горячие и оживленные споры о философских, богословских и прочих предметах, которые тогда происходили у студентов и между собою в комнатах, и с наставниками в классах. От запальчивости, от горячности антагонистов истина тут не всегда всплывала наружу, но самая эта запальчи-

вость и горячность показывали, что она слишком интересовала споривших. Далее, сколько было студентов, которые, не зная немецкого языка, выучивались ему в год, полгода и даже меньший срок, с тем только, чтобы поскорее читать книги немецкие. Разве мало было тружеников, которые, так сказать, корпели над сочинениями Канта, Шеллинга, Гербарта, Шада...» (Ростиславов).

Школа Голубинского

В Московской академии создается студенческое общество «Ученые беседы», его секретарем становится восемнадцатилетний Федор Александрович Голубинский (1797–1854) — первый яркий представитель философской школы МДА. По окончании Костромской семинарии в 1814 году Голубинский в числе восьми лучших воспитанников был приглашен в новооткрывавшуюся Московскую духовную академию. Любопытно отметить, что фамилию Голубинский Федору Александровичу дал его отец при поступлении в Костромскую семинарию¹. По окончании Академии Голубинский преподает философию и немецкий язык, а с 1826 года его назначают цензором духовной литературы — должность, требующая исключительной эрудиции и трудоспособности. Исправлять нужно было не только богословские недочеты рецензируемых работ, но и допущенные искажения исторических фактов или, например, необъективную критику чьих-то публикаций.

Учеником Ф.А. Голубинского и его преемником по кафедре философии был Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (1828–1891). Обучаясь в Московской академии, за отличные успехи он был награжден стипендией митрополита Платона, а с ней — и прибавлением к своей фамилии. Развивая основные положения Голубинского, в своих многочисленных работах Кудрявцев выстраивает уже некоторую целостную философскую систему. По воспоминаниям современников, наиболее характерными чертами В.Д. Кудрявцева были аккуратность, скромность и постоянство. Проявились они и в его научной деятельности. Все, что Кудрявцев изучал, он изучал очень тщательно. Своих взглядов и убеждений он не менял: воззрения ученических лет отражаются и в его поздних философских трудах. Кудрявцев одним из немногих представителей духовного сословия начал писать изящным литературным языком, книги его написаны чрезвычайно ясно и просто, впрочем, его слогу свойственна и своеобразная «величавость» (выражение одного из учеников В.Д.), даже некоторая растянутость. С. Глаголев одной из главных заслуг Кудрявцева называет воспитание им в своих учениках и читателях культуры полемики, уважения к оппонентам. «Тон бахвальства, ничем не оправдываемого презрения и ужаснейшая брань обычно характеризовали отношение русских духовных и недуховных писателей к противникам. Лже-философ Кант, юрод Гегель, лженатуралист Дарвин, это — срав-

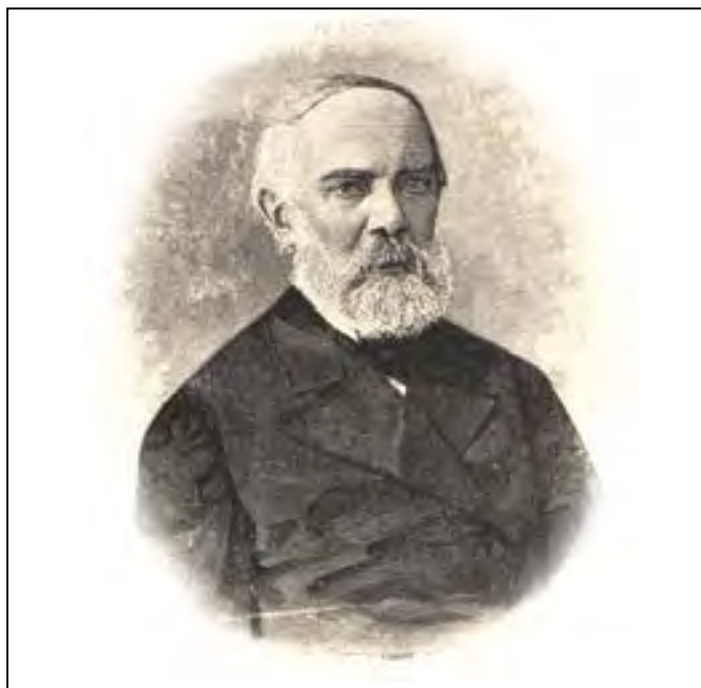
Профессор протоиерей Феодор Голубинский

нительно самые снисходительные отзывы духовной печати о западных мыслителях. Виктор Дмитриевич учил собственным примером относиться с уважением к своим противникам, не закрывать глаза на то, что они сделали хорошего, не ругать, а серьезные возражения противопоставлять тем их мнениям, которые мы признаем несправедливыми».

Третьим заметным представителем философской школы Голубинского был Алексей Иванович Введенский (1861–1913). Перед поступлением в Московскую академию Алексей Иванович учился в Вифанской семинарии в Сергиевом Посаде. С 1888 г. Введенский преподавал в Академии историю философии. Его главные научные труды посвящены критическому обзору основных философских течений того времени. Большое внимание уделял он также изучению индийских религий. Кроме научной и преподавательской деятельности необходимо отметить и публицистику Введенского. Он был постоянным сотрудником «Московских ведомостей», в которых под псевдонимом Басаргин печатал свои статьи по религии и философии, литературную критику.

Годы работы в МДА трех упомянутых нами выдающихся профессоров философии составляют в сумме чуть меньше столетия: Ф.А. Голубинский (1818–1854), В.Д. Кудрявцев (1854–1891), А.И. Введенский (1888–1912) — знаменуют особый период в жизни духовных школ. Объединяет их не только место и время несения своего церковного послушания, но и глубокая общность их философских убеждений. Они — очень непохожие личности, совершенно по-разному ставившие акценты в своей жизни и в своем творчестве. Но в то же время чувствуется единство, почти совпадение некоторых основных, фундаментальных тезисов и — взаимодополнение во второстепенном, что и позволяет нам говорить о сложившейся философской школе Московской духовной академии.

¹ История МДА помнит еще двух профессоров по фамилии Голубинский: сына Ф.А. Голубинского — Дмитрия Федоровича, который преподавал в Академии физику, математику и естественную апологетику, и Евгения Евсигнеевича — известного историка, получившего фамилию Голубинский при поступлении в Костромскую семинарию, вероятно, в честь Федора Александровича.

Профессор В.Д. Кудрявцев

Итак, что же составляет ядро, суть системообразующих теорий этой школы?

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

Живая вера, «теплое благочестие» (выражение А.В. Горского) ее основателей — вот что определяло своеобразие философской школы МДА. Для нас этот естественный для того времени факт как будто остается в тени, но именно он выделяет философию Академии из великого множества философских систем XIX века.

Наиболее популярны тогда были идеи немецкого идеализма: Шеллинг и, особенно, Гегель задавали тон в новейшей философии. Собственно, между ними должна была выбирать молодая академическая школа. Сходная ситуация наблюдалась в европейской схоластике в Средние века: мышление, основанное на православной догматике и святоотеческой литературе, встречаясь с хорошо разработанными, но чужеродными философскими доктринами (тогда это Платон и Аристотель), развивало свою, христианскую философию, примыкая к тому или другому направлению. Наша школа, начиная с Голубинского, склонялась к Шеллингу, который особенно в конце жизни стоял на позициях христианского теизма.

Своеобразное обособленное положение Московской академии в Троице-Сергиевой Лавре, в деревенской тиши Сергиева Посада, способствовало тому, что, однажды восприняв западное влияние, «академические» философы не торопились перестраивать свои взгляды в соответствии с новыми, более модными течениями. Не только внешне, но и внутренне отгородившись от «буйствующего секуляризма» русской жизни XIX века, они самостоятельно возводили здание рационального христианского мировоззрения на уже один раз положенном основании.

Они придерживаются последовательного критицизма, не доверяя «непосредственному чувству». «Особен-

ность философии, — пишет В.Д. Кудрявцев, — состоит в том, что она исходит не из предположений или начал, принимаемых непосредственно на веру, но из принципов обоснованных и доказанных в своей истине». В другом месте он замечает: «Свет Откровения не уничтожает самостоятельности человеческого ума; он не ослепляет человека, а делает более ясным его зрение». Однако, хотя внешне религии отводится скромная роль «советующего друга», внутренне построения философов академической школы есть не что иное как проекция цельного христианского мироощущения на плоскость рационального понимания, формулировка христианской веры (не отдельных аспектов, а в ее полноте) на языке разума. При таком переводе, проекции, очевидно неизбежны значительные утраты, потери в смысле. И действительно, самое большое к чему «доказательно» приходят философы — это христиански ориентированный теизм, то есть существование Бога.

Трехчастное бытие

Их рассуждения можно схематично представить следующим образом. Начиная с декартовского «*cogito ergo sum*» (мыслю, следовательно, существую), мы приходим к существованию познающего «я» и окружающего мира. Но, вместе с тем, из самого факта познания легко выделяется идея «истинного познания» (даже не признавая возможности истинного познания, скептики подтверждают тем самым существование идеи «истинного познания»): любое познание имеет своей целью «истинное». А «истинное познание» не может относиться ни к чему другому, кроме «истинного бытия». Итак, существуют три вида бытия: «я», «мир», «Абсолютное бытие», — причем существование Абсолютного, Безусловного бытия и обеспечивает возможность познания, ибо любое познание направлено к познанию истинному, безусловному. Более того, само разделение на «я» и «мир», отделение себя как субъекта восприятия возможно лишь как следствие «того первоначального закона, по которому наш дух стремится к Бесконечному» (Голубинский). Именно по устремленности к Безусловному мы отделяем «я» от «мира», в котором Безусловное предстает перед нами. Таким образом, основной вывод рассуждений таков: существование Абсолютного бытия есть основное, фундаментальное убеждение нашего сознания.

В соответствии с трехчастным делением бытия гносеология также делится на три части: опыт (эмпирическое познание), рациональное познание и познание идеальное, «особая способность к восприятию сверхчувственного бытия» (В.Д. Кудрявцев). Уверенность в реальности окружающего мира (об этом речь пойдет далее) увеличивает значимость чувственного познания, которое, впрочем, не является самодостаточным, а дополняется рациональным: «Действительный источник нашего познания о внешнем мире, как познание, заключается в разуме» (В.Д. Кудрявцев). Идеальное, «непосредственное восприятие Бога» также соотносится с разумом, оно усваивается нами «соответственно законам нашего познания». Таким образом, путь к достоверному знанию, пришедшему из эмпирического опыта или из откровения, всегда лежит через рациональность

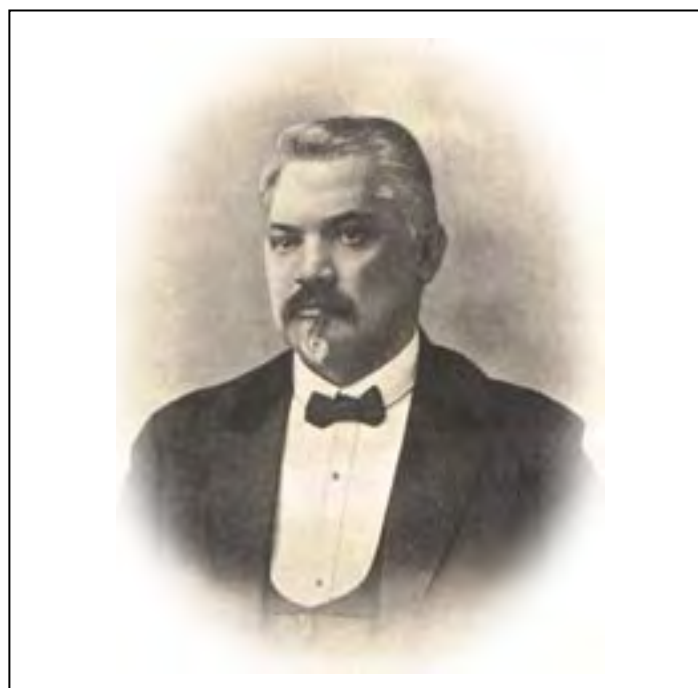
«уже по тому самому, что, за устранением авторитета разума, не остается никакого критерия к различению истины от заблуждения» (В.Д. Кудрявцев).

Онтологизм

Характерной чертой философской школы Московской академии является и присущий ей онтологизм — убежденность в реальности окружающего, предметов вокруг нас. Впрочем, это онтологизм не материалистический, утверждающий существование только физически воспринимаемого, чувственного мира. Напротив, само существование «вещей», как и наше их восприятие (вспомним рассуждение про истинное познание и истинное бытие), возможно лишь как следствие их укорененности в Абсолютном бытии. Как писал В.Д. Кудрявцев, «в самой области материального бытия есть нечто, чему невозможно приписать признаки материальности».

Но и идеалистическое восприятие мира, при котором признаются лишь субъективные реальности — наши чувства и впечатления, а не сами предметы, — равно не свойственно академической философии. При таком подходе по-настоящему существует одно только «я», а окружающий мир лишь настолько, насколько он соприкасается с «я».

Отметим, что при всем кажущемся различии, материализм и идеализм — родственные теории. Своей популярности они во многом обязаны убеждениям европейского естествознания Нового времени. Исследуя некий объект, ученый неизбежно уничтожает его. Это прослеживается и на буквальном уровне: чтобы понять «устройство» лягушки, необходимо ее умертвить. И на уровне смысла: исследуя дом, мы обнаруживаем, что он сделан из цемента — вот уже дома нет, остался один цемент. Далее, цемент раскладывается на компоненты, и через несколько шагов мы видим, что нет ни дома, ни цемента, а некое собрание неразложимых, элементарных деталей, которые мы назовем для простоты атомами. Здесь-то и проявится разница: материалист скажет, что атомы существуют, хотя и не сможет объяснить, что это такое. А по мнению естественно-научного идеалиста атомов вовсе не существует (в том же смысле, как не существует и дома), просто атомы — это некоторый промежуточный этап между домом и пустотой. Как видно, разница не такая уж большая. Идеалист — приверженец, проповедник радикальной пустоты в мире, а в конечном итоге, и в жизни. Материалист — его последователь, но испугавшийся идти до конца и остановившийся перед последним шагом. Его позиция непоследовательна и логически уязвима, но, в отличие от чисто идеалистической, она может давать вдохновение и опору для деятельной жизни, пусть ненадолго. Пример, всем нам знакомая марксистско-ленинская идеология. Но суть одна, обе теории связывают жизнь того, что живет, и реальность того, что существует, не с Богом, а с человеком, с «я»: «я» — источник бытия. Но поскольку «я» не способно породить вечное, то и получается вместо жизни — смерть, а вместо бытия — ничто, пустота. Осознавая это, но не видя ничего кроме себя, идеалисты и провозглашают всеобщую относительность, изменчивость и неустойчивость.

Профессор А.И. Введенский

Совсем на других основаниях стояли философы школы Голубинского. Видимый мир и составляющие его объекты сами по себе не существуют, они даны нам лишь в своей укорененности в Абсолютном бытии. Такое существование (существование «в Боге») и есть единственное полноценное и «живое» (даже для неодушевленной природы). Наш мир не скопище трупов вещей (вещей, существующих самих по себе), но и не наша иллюзия или сон, бытие мира реально, максимально реально, поскольку причастно Единственной Абсолютной Реальности и Бытию.

И здесь снова уместно будет вспомнить о духовной географии: МДА возросла в Троице-Сергиевой Лавре. Для верующих же людей, и в первую очередь для философов Московской духовной академии, зримым символическим примером, вещественным опровержением разного рода теоретических блужданий были и остаются нетленные мощи преподобного Сергия, вот уже шесть веков наглядно опровергающие и релятивизм идеалистов, и наивную уверенность материалистов. Мощи Преподобного — отблеск и напоминание Воплощения и Воскресения Христова, на которых, как на непременных постороннему глазу, но от этого не менее значимых камнях фундамента, устраивалась философская школа Академии.

Николай Солодов, 3 курс МДС

Статья написана на основе следующих работ: «История русской философии» В. Зеньковского, «Пути русского богословия» Г. Флоровского, статей С. Глаголева в сборнике «Памяти почивших наставников» и статьи Ф.К. Андреева «Камень отвергнутый строителями», Богословский вестник, 1914.

Философия в Академии: история и современность

Беседа с профессором МДА Н.К. Гаврюшиным

Николай Константинович, в какой мере можно говорить о преемственности нашей философской школы, ведь в XIX в. философская школа МДА была довольно специальным явлением, и предметы, и методы изучения были свои, особенные? В Университете, например, все было по-другому.

Мне трудно говорить о последнем этапе, это связано с моим собственным преподаванием. Для осмысления истории требуется некоторая дистанция. Конечно, то, что у нас есть на нынешний день, отличается от того, что было до революции. Но отличается не по основным ценностям и не по какой-то тональности, а, как мне представляется, по некоторому предпочтению историзма догматизму. Если взять наиболее яркий пример догматически законченной системы — учебник Кудрявцева, то здесь философия представляется как некоторое более-менее окончательное построение в области гносеологии, онтологии и т. д., основанное, конечно, и на предшествовавших разработках. На сегодняшний день такой философии у нас вообще никто не преподает. Предмет преподавания сознательно строится исторически, так, чтобы наши студенты видели связь философских исканий и настроений с развитием религиозного сознания, с появлением в нем новых метафизических, психологических и прочих вопросов, ощущали соприкосновение и взаимопроникновение вопросов метафизики и религиозной догматики.

Вот этот историзм и параллелизм философского развития и развития религиозного сознания и характеризует, как мне кажется, новейший этап преподавания философии в духовных школах.

Можно предположить, — я не думаю, что это предположение для кого-то обидно или несправедливо, — что такой подход, в некотором смысле, означает самоустранение профессора от ответственной самостоятельной интерпретации фундаментальных философских проблем. Но можно предположить и другое, что здесь задача профессора как раз не в том, чтобы преподать закончен-

ную систему, а в том, чтобы воспитать у студентов интерес к самому движению смыслов в истории философии и религиозного сознания. Такое представление в какой-то мере отличает наше преподавание философии от того, которое имело место в XIX и начале XX века.

С другой стороны, сейчас имеется некоторая преемственность с курсом отца Павла Флоренского, может быть, даже невольная, чисто предметно мотивированная. Дело в том, что отец Павел Флоренский в свое время инициировал создание в Московской духовной академии кафедры истории мировоззрений, и те вопросы, которые он там ставил для своих студентов, методологически близки тем вопросам, которые мы так или иначе затрагиваем сегодня.

Николай Константинович, в отличие от Флоренского, имена большинства выдающихся философов МДА, таких как Глаголев, Введенский, не говоря уже о Кудрявцеве и Голубинском, вне Академии практически неизвестны.

Об Алексее Ивановиче Введенском, я думаю, мы еще услышим суждение наших современников, которые соберутся изучить его труды по французской философии, буддизму и другие философские работы. По-настоящему он не был прочитан. Алексей Иванович — человек с прекрасным стилем, который свободно владел французским и немецким, знал не только философию, но и психологию, и историю религий, и был при этом достаточно живым человеком, — он представляется мне очень яркой личностью, в силу обстоятельств позабытой.

Отчасти все, действительно, затмила фигура отца Павла Флоренского с его неординарными экскурсами в математику и оккультизм. Флоренский не был типичным представителем академической школы, он пришел в Московскую академию уже сформировавшимся ученым. К моменту его появления в Академии тематика его труда «Столп и утверждение истины» была уже в значительной степени сформирована схииерархимандритом Серапионом (Машкиным), но главное, что метода его была совсем иного плана.

Еще одна интересная фигура — Михаил Михайлович Тареев, но на него повесили ярлык «протестанта» и, к сожалению, тоже забыли. Только из-за рубежа были запоздалые отклики: Флоровский писал, что «напрасно затерли Тареева».

Что происходило с философской школой в советское время?

1917 год прервал традицию духовно-академической философии, а в период возобновления школ после Великой Отечественной войны ситуация была известная: в стране была одна философия — марксистская, и поэтому философии как отдельного предмета очень долгое время не было вообще. Единственное, что так или иначе оформлялось, это отдельные философские экскурсии в рамках преподавания основного богословия или каких-то специальных курсов. Профессор Михаил Агафангелович Старокадомский читал курс истории русской религиозной мысли, правда, по-видимому, не в Академии, а в аспирантуре при ОВЦС.

Только в 1987 году в Академии был введен предмет «История русской религиозной мысли», и в рамках этого предмета читалась вводная часть из нескольких лекций, посвященных крупнейшим явлениям мировой философии: платонизм, аристотелизм, Кант, Шеллинг, Гегель — просто чтобы студенты имели какие-то ориентиры, о чем идет речь.

Спустя два года удалось убедить руководство, что надо ввести философию и в Семинарии. Курс назывался «Введение в философию», но читался он исторически, то есть как история философии. Первоначально его читал я, затем Леонид Иванович Василенко. В 1993 году курс философии в Семинарии был опять упразднен, и лишь в 1996 году, с приходом владыки Евгения, преподавание философии в Семинарии возобновили.

В Академии историю философии приблизительно с 1989 по 1996 годы читал Василий Георгиевич Морозов, кстати, кандидат физико-математических наук. Я хорошо помню: на пробной лекции перед преподавателями Академии он сделал очень неплохой доклад восприятия фило-

софии и религиозной мысли Бёме в России. Очень многие студенты были довольны его лекциями.

Когда ушел Морозов, мне пришлось вести все: и в Семинарии, и в Академии... Правда, это способствовало тому, что мне дали двух ассистентов, студентов Академии, и они стали уже приобщаться к преподаванию в Семинарии. Это была очень положительная практика. Один сейчас священник и преподаватель Одесской семинарии, пишет учебник по философии, другой уже третий год в аспирантуре в Берне, где занимается старокатолицизмом, правда, я надеюсь, что он вернется к нам и будет продолжать наши философские традиции. Все именно так и воспринимали этих студентов — как продолжателей академической традиции философии, преемственности, которая у нас, было ощущение, имеется.

Николай Константинович, что необходимо сейчас для развития философской школы МДА?

Я думаю, что какие бы то ни было положительные сдвиги будут возможны, лишь когда преподавание философии будет увязано, во-первых, с соответствующей предварительной подготовкой в области языков, и, во-вторых, с изменением самого метода преподавания. Лекции на недифференцированную аудиторию в 30 человек менее продуктивны, чем работа в узких семинарах по 5–7 человек, в которых по определенной программе самими студентами велась бы работа с первоисточниками, на их основе делались бы доклады и обсуждались в присутствии профессора. Вот тогда мне представляется возможным более активное усвоение истории философии в том контексте, о котором мы уже говорили. Та система преподавания, которая у нас есть на сегодня, по сути дела, не учитывает задач именно философского преподавания, она не позволяет перейти на новый уровень.

*Беседовал Николай Солодов,
З курс МДС*

Путь крестной славы

Жизнь, труды и мученическая кончина за Христа профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова

Суровые испытания, выпавшие после революции 1917 года на долю Русской Православной Церкви, не обошли стороной и преподавателей духовных учебных заведений. Более того, пришедшие к власти атеисты свой первый удар сразу направили против духовных семинарий и академий, сначала — снимая их с госбюджета, а затем — ограничивая перечень преподаваемых предметов лишь строго церковными. Духовные школы вытеснялись из занимаемых помещений, вместо них там размещали различные военные и государственные учреждения. Например, в здания Московской духовной академии были переведены из Петрограда Высшие офицерские электротехнические курсы, позже преобразованные в Высшую военную электротехническую академию. В результате весной 1919 года Духовная академия вынуждена была прекратить занятия в Сергиевом Посаде и перебраться в Москву, где в весьма сложных политических и финансовых условиях просуществовала до 1925 года.

Той же весной 1919 года советская власть развернула кампанию по надругательству над мощами святых угодников Божиих, изымая их из храмов и помещая в антирелигиозные музеи. Эти акции вызывали законные протесты среди духовенства и верующих людей; на возмущения репрессивные органы отвечали арестами. Среди арестованных были бывшие и действительные члены профессорско-преподавательской корпорации Московской духовной академии: благочинный Академического храма архимандрит Варфоломей (Ремов), епископ Углический Иосиф (Петровых), церковный правозащитник Николай Дмитриевич Кузнецов. Тогда же первый раз был подвергнут аресту и архимандрит Иларион (Троицкий).

Основные репрессии начались весной 1922 года вместе с провокационным изъятием церковных ценностей. Цель правительства была двойкой: ограбление Церкви в пользу партийной кассы¹ и дискредитация духовенства в глазах народа, голодавшего из-за жестокого неурожая, особенно в Поволжье. Массовые репрессии прошли затем в 1928–29 и 1937–38 годах. Особенно жестокими были последние, когда расстрел стал повсеместным явлением.

В общей сложности из членов академической корпорации, в составе которой за 25 лет находилось около 90 человек, репрессиям подверглось около 35 человек. Среди них были лица, окончившие Академию и находившиеся в ней на невысоких административных должностях до своего назначения на другое место церковного служения — например, митрополит Петр,

Патриарший местоблюститель, который проработал 4 года (с 1892 по 1896) в качестве Помощника инспектора Академии.

Статьей про И.В. Попова мы начинаем серию публикаций, в которой проследим жизненный путь некоторых новомучеников — преподавателей Московской духовной академии.

Труженик науки

Иван Попов родился 17 января 1867 года в городе Вязьма Смоленской губернии в семье священника Воскресенской церкви Василия Михайловича Попова и его супруги Веры Ивановны. В 1888 году окончил Смолен-

скую духовную семинарию, в 1892-ом — Московскую духовную академию. В 1893 году Иван Васильевич назначен временно исполняющим должность доцента по кафедре патристики. Свою первую лекцию, о Тертуллиане, по традиции Московской академии он прочел перед преподавателями. В 1897 году Иван Васильевич защитил магистерскую диссертацию и утвержден в должности доцента Академии, а уже на следующий год назначен экстраординарным профессором по кафедре патристики.

1901–1902 годы Иван Васильевич провел за границей, в Берлине и в Мюнхене, где слушал лекции по богословию. «Целый месяц уже слушаю лекции в университете и участвую в практических занятиях по разным предметам. Профессоров на богословском факультете немного, и каждый читает самые разнообразные предметы. Я удивляюсь, каким образом у них хватает времени, чтобы изучить все эти разнообразные предметы. Мы кое-как успеваем овладеть только частью одного предмета. Это повергает в уныние. Лекции посещаются студентами очень исправно. Каждый является с тетрадкой, чернильницей и пером и тщательно записывает. В этом отношении особенно возмутительна исправность курсисток, которые пробрались-таки и на богословский факультет. После лекций у них между собою (студенты посматривают здесь на них довольно косо) начинается проверка и воспроизведение записанного. Исправность студентов, кроме, разумеется, самого качества лекций, в значительной степени объясняется тем, что за лекции плачены деньги и каждый хочет использовать свой расход», — писал он своему давнишнему другу, доценту Духовной академии Сергею Ивановичу Смирнову.

После возвращения из-за границы Иван Васильевич в 1903 году был назначен на должность редактора «Богословского вестника», что доставляло ему немало дополнительных хлопот. Особенно стало трудно, когда в 1905 году в русском обществе, в том числе и в академических кругах, разгорелись страсти, касающиеся политических вопросов. «Богословский вестник» был обвинен в либерализме, и в 1906 году Иван Васильевич подал прошение о снятии с него обязанностей редактора.

Помимо работы в Академии, Иван Васильевич с 1907 года состоял приват-доцентом по кафедре истории Церкви на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1917 году профессор И.В. Попов защитил в Академии докторскую диссертацию «Личность и учение блаженного Августина», которая явилась фундаментальным трудом на эту тему.

Глубины святоотеческой мудрости

Один из студентов, слушавших лекции Ивана Васильевича в Академии, писал о нем в своих воспоминаниях: «Пожилой мужчина с аскетически строгим, худым, окаймленным небольшой бородой лицом на первый взгляд не привлекал внимания, и только приглядевшись, можно было увидеть в его глазах глубокую сосредоточенность и внутреннюю силу. Последнюю он смог вполне проявить позднее, во время своих неоднок-

Профессор И.В. Попов

ратных ссылок и в изгнаниях, когда в крайне трудных условиях жизни не терял стойкости и бодрости духа, переносил лишения с мужеством мученика древних времен, как мне рассказывали об этом живые свидетели его подвигов.

Свои лекции он читал интересно, чувствовалось, что за его словами скрывается глубокое содержание и прекрасное знание своей дисциплины. Философия святых отцов вырисовывалась перед нами как непосредственное продолжение древней эллинской мысли и, одновременно, как глубочайший корректив, исходивший из Божественного Откровения, ко всему ценному, что внесла в мир античность.

Член Всероссийского Церковного Собора, доктор богословия, погруженный в древность, он активно откликался на все современное, причем не только по вопросам церковной жизни. В нем не было повального осуждения того нового, что шумело и кипело вокруг. Напротив, он старался понять смысл совершавшихся перемен, причины, породившие их именно в данной форме, пытался предсказать то, что последует в дальнейшем».

Свидетель пребывания Ивана Васильевича на Соловках протоиерей Михаил Польский писал о нем: «Говорить о научно-богословской работе Ивана Васильевича Попова — особая задача. Во всяком случае, в России патрология как наука впервые создана им. Характеризуя его ученость, архиепископ Иларион (Троицкий) говорил: «Если бы, отцы и братья, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто пред знаниями Ивана Васильевича».

На закате Академии

Иван Васильевич преподавал в Московской духовной академии до ее закрытия в Лавре в 1920 году, после чего до 1923 года — в Московском университете на кафедре философии средних веков, которая была преобразована в Философский исследовательский институт.

О настроении Ивана Васильевича в послереволюционные годы свидетельствует следующий отрывок из его письма, написанного зимой 1919-го года в селе Самуйлово Гжатского уезда, куда он уезжал на время каникул: «Зимняя тишина, безлюдье и ровная белая пелена кругом так успокоительно действуют на душу, постоянно возмущенную там, где теперь кипит котел с помоями. В доме у нас все благополучно. После бури крестьянского восстания, унесшего много бесполезных жертв, все снова успокоилось. В деревне «затишье, снежок, полумгла».

В феврале 1920 года Иван Васильевич писал профессору Петроградской духовной академии Николаю Никаноровичу Глубоковскому: «Участь Вашей Академии ожидает и нашу. Я уверен, что в будущем году она функционировать не будет. Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание Академии у Церкви нет. Это очень горько. Я думаю не о своей личной судьбе: мы все, конечно, где-нибудь пристроимся и найдем себе кусок хлеба... Нет, не личная судьба, а гибель учреждения, которое любил и которому добросовестно служил 26 лет, — вот что угнетает. А затем хотелось бы оформить все сделанное за четверть века и издать в виде ученого и подробного курса мои конспекты. Но

как это сделать вдали от библиотеки и при отсутствии необходимого досуга?»

«С формулировкой обвинения не согласен»

В связи с обновленческим расколом и тем, что часть архиереев потом вернулась из раскола, некоторыми церковными людьми стали составляться списки архиереев: православных и находящихся в расколе. И Иван Васильевич как человек, хорошо знавший церковную жизнь, также стал составлять подобный список, отражая в нем и настоящее положение епископата: кто из архиереев находится на кафедре, кто заключен в тюрьму или сослан. Составление такого списка было тем более важно, что по сведениям, дошедшим до Патриарха Тихона, на 1925 год намечался созыв Собора всех Православных Восточных Церквей, на который предполагалось направить делегацию и от Русской Православной Церкви.

10 декабря 1924 года Иван Васильевич был арестован и заключен в тюрьму ОГПУ в Москве. С этого времени профессор патристики сам стал участником церковной истории и своим личным примером ему предстояло явить подвиг верности Христу, которым прославились и просияли святые отцы.

На вопросы следователя о его отношении к советской власти, Иван Васильевич отвечал: «Я как христианин не сочувствую в современном порядке вещей антирелигиозному и аморальному уклону; последний, может, отчасти вытекает из первого. Кроме этого, в советском государстве мне не нравится отсутствие некоторых институтов, имеющих в других государствах, как то: свободы слова, неприкосновенности личности и так далее; вообще я принципиальный противник какой бы то ни было диктатуры... В общем же я безусловно подчиняюсь советской власти».

27 апреля 1925 года Ивану Васильевичу было предъявлено обвинение в том, что он «виновен в сношениях с представителями иностранных государств с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению к советской власти, для каковой цели Поповым давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях со стороны советской власти на Церковь и епископат» (имелось в виду составление списков архиереев для предполагавшегося Собора).

На обороте текста обвинительного заключения Иван Васильевич написал: «С формулировкой обвинения не согласен. Возражения свои изложу после того, как мне дана будет возможность прочесть формулировку предъявленных статей в кодексе законов».

19 июня 1925 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам заключения и он был отправлен в Соловецкий концлагерь. Туда же был отправлен и его ближайший ученик, занимавшийся под его руководством церковной историей и патрологией, Антоний Тьевар¹.

¹ Священномученик Серафим (Тьевар; †6 декабря 1931 года) постановлением Священного Синода 30 июля 2003 года причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских.

Записка соловецких епископов

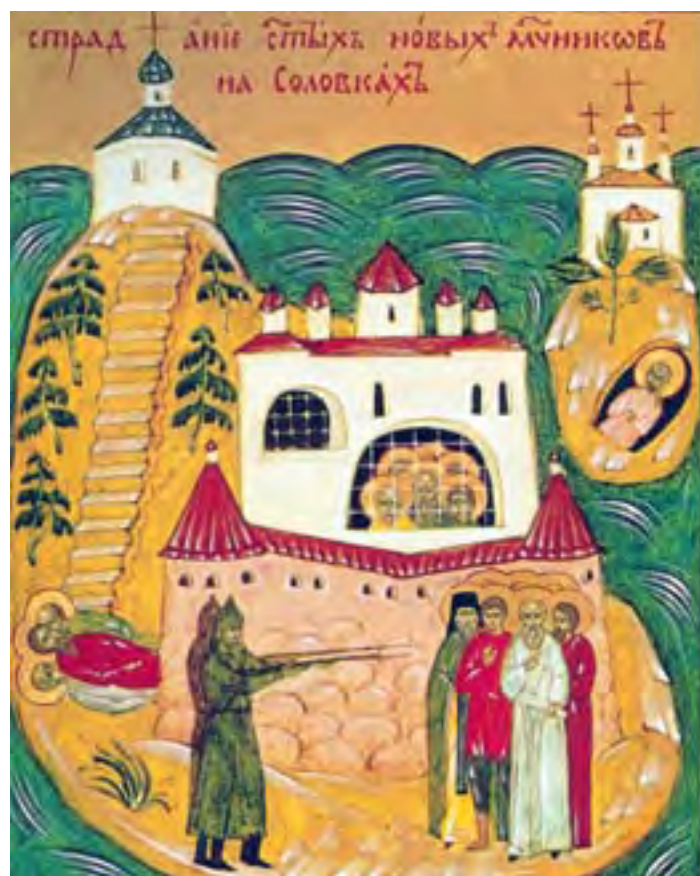
Профессор Иван Васильевич Попов был составителем текста обращения православных епископов к правительству СССР, известного как «Памятная записка соловецких епископов», которое после обсуждения заключенными в Соловецком концлагере архиереями приняло свой окончательный вид. В этом обращении говорилось: «Свое отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели; она никогда не призывает к оружию и политической борьбе; она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей конституцией, и не может стать слугой государства...

Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угодить силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы...

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергнется, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на необоримую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания».

Предполагалось, что на основе «Памятной записки» будет составлен официальный церковный документ, регулирующий отношение Церкви к государству. Отчасти эту роль впоследствии выполняла Декларация митрополита Сергия².

Протоиерей Михаил Польский так вспоминал о том, как обсуждалась и принималась «Памятная записка»: «В день отдания Пасхи, 26 мая/7 июня 1926 года, в монастырском кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря заключенных, собрались, по возможности, все заключенные здесь епископы для заслушания доклада другого узника, профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова. Складом продуктов и их раздачей заключенным заведовал игумен из Казани отец Питирим (Крылов), имевший группу сотрудников из духовенства. Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое и приняло так назы-

ваемую «Памятную записку соловецких епископов», которую должны быть представлены на усмотрение правительства...

Совершенно неожиданно, в неурочное время лагерь стал обходить для осмотра начальник всех лагерей Соловецкого острова Эйхман со своим штабом. Отец Питирим встретил его в складе и надеялся, что он не пойдет в его комнату, где происходило в это время заседание епископов. Но начальник решительно подошел к дверям и открыл их. Увидев вместе большую группу духовенства, он удивился: «Это что за собрание?» — «У нас сегодня праздник», — ответил смущенно отец Питирим. Почему этот момент прошел благополучно, трудно сказать. Надо полагать, что начальство вообще было довольно порядком в складе и в то время заключенному духовенству позволялось иногда по праздникам ходить в кладбищенскую церковь преподобного Онуфрия, открытую для остатка монахов, рабочих-специалистов, временно остававшихся еще на пепелище своего монастыря. Потом эта поблажка была уничтожена. Все вольнонаемные монахи были удалены из лагеря и последний их храм закрыт.

Иван Васильевич Попов, благочестивый старец-аскет, профессор святоотеческой литературы, автор ценнейших печатных трудов, при составлении «Записки» руководствовался указаниями старшего среди архиереев на Соловках архиепископа Евгения (Зернова). С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал «Записку» небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике».

²Послание митрополита Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 года.

Сибирь

4 ноября 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам ссылки, и он был отправлен на реку Обь под Сургут.

«Первое время, — писал о нем протоиерей Михаил, — квартирные условия были плохие и он не имел возможности заниматься своими учеными трудами, а собирал и сушил грибы, которые посылал своим друзьям в центр России, откуда получал посылки. Через несколько месяцев он был переведен в другое место, где было получше. С ним жил ссыльный епископ Онуфрий (Гагальюк), относившийся к нему с особенной любовью. Здесь Иван Васильевич трудился над сочинением о святителе Григории Нисском».

11 декабря 1930 года истек срок ссылки, но Ивану Васильевичу выехать не разрешили. В конце декабря против него было затеяно новое дело. 8 февраля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к лишению права проживания в ряде областей и краев России, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. В тот же день он был вновь арестован и заключен в тюрьму в Сургуте по обвинению в проведении антисоветской агитации. Затем местом жительства Ивана Васильевича стало село Реполово Тюменской области.

Из ссылки Иван Васильевич вернулся лишь в 1934 году. Поселившись в Люберцах под Москвой, он восстановил связи с оставшимися в живых знакомыми и учениками по Академии. Их встречи чаще всего происходили на квартире архиепископа Варфоломея (Ремова), который приглашал к себе некоторых архиереев, приезжавших на сессии Синода. 21 февраля 1935 года, вскоре после одной из таких встреч, Иван Васильевич был арестован.

26 апреля 1935 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Ивана Васильевича Попова к пяти годам ссылки в Красноярский край. Через некоторое время Ивана Васильевича перевели в село Игнатово того же района и поселили в доме пастуха. Ивану Васильевичу выделили отдельную комнату, жена хозяйина готовила ему пищу. В ссылке у него было много книг, присланных ему друзьями, так что в какой-то мере он смог продолжить свои научные занятия. Но началась новая волна гонений. По приказанию Сталина и советского правительства ссыльных стали вновь арестовывать и большей частью расстреливать. 9 октября 1937 года был арестован и заключен в тюрьму в Енисейске и Иван Васильевич Попов.

Убеленный кровью

11 октября был допрошен в качестве свидетеля один из ссыльных по фамилии Виолович, который среди прочего дал такие показания об Иване Васильевиче: «Отбывая срок ссылки в селе Игнатово, где также находился Иван Васильевич Попов, мне неоднократно приходилось вести с ним разговоры на политические темы. Будучи чрезвычайно осторожен и всячески смягчая впечатления, Попов все же стал выражать свои

контрреволюционные взгляды, которые он распространял и среди местных жителей. Так, например, в разговоре с Поповым 7 июня 1937 года последний заявил: «Экспедиция на Северный полюс, так шумно рекламируемая нашими газетами, есть средство и попытка отвлечь внимание масс от политической злобы дня, смазать наиболее серьезные и острые противоречия». Продолжая разговор, Попов привел другой пример контрреволюционного содержания: «Стахановское движение — тоже попытка создать шумиху вокруг пустяковых вопросов, кроме этого есть отрицание проблемы качества работы и погоня за количеством, успехом у масс эти методы работы пользоваться не могут». Я возражал Попову, что приведенные им примеры не отвечают действительности, но он настаивал на своем. Второй раз мне с Поповым пришлось встретиться 19 июня 1937 года после вынесения приговора над шпионами-фашистами восьмерки Тухачевского. По поводу расстрела этой шпионской восьмерки Попов высказал свои контрреволюционные взгляды следующего содержания: «Расстрел восьми крупных военных работников, а также последние репрессии вообще показывают, что монолитность ВКП(б) есть мыльный пузырь, так как на самом деле мы видим уход из партии и расстрел самых видных ее деятелей, в прошлом ее организаторов. Законы революции вообще таковы, что самые ее видные деятели всегда пугаются широты и размаха, того движения, которое они вызвали, и идут на эшафот. Так было во Французской революции, так происходит и сейчас в СССР».

3 декабря 1937 года следствие было закончено. В Енисейской тюрьме Иван Васильевич встретил день своего рождения. 5 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила Ивана Васильевича к расстрелу. Иван Васильевич Попов был расстрелян 8 февраля 1938 года в 9 часов вечера, в канун празднования памяти вселенского учителя святителя Иоанна Златоустого, в честь которого, по-видимому, и был назван.

Постановлением Священного Синода 30 июля 2003 года Иван Васильевич Попов причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских XX века. Один из очевидцев жизни мученика в соловецком узлище писал о нем: «В светском звании Иван Васильевич был истинным монахом, безбрачным и девственником, смиренным тружеником, воздержником в пище и питии, благоговейным молитвенником к Богу. Сему все знавшие его — свидетели. Имея дар благодати Божией, слово знания (1 Кор. 12, 8), он трудами удесятерил талант, послужил им Церкви с великой пользой и прославил ее своей мученической кончиной».

Николай Деев

При подготовке этого материала были использованы следующие источники:

1. Протоиерей Сергей Голубцов. *Стратилаты академические*, М., 1999
2. Протоиерей Сергей Голубцов. *Профессура МДА в сетях ГУЛага*, М., 1999.
3. Игумен Дамаскин (Орловский). *Жития мучеников и исповедников Русской Православной Церкви*. Январь. Рукопись.

В настоящее время Московская духовная академия — центральное богословское учебное заведение, готовящее преподавательские, научные, исследовательские и административные кадры для духовных учебных заведений, церковно-научных центров, синодальных и иных церковно-административных учреждений Русской Православной Церкви.

КАФЕДРАЛЬНАЯ РАБОТА

КАФЕДРА БОГОСЛОВИЯ

Заведующий: проф. ИВАНОВ Михаил Степанович, доктор богословия.
 Образование: Московская духовная семинария, Московская духовная академия.
 Преподает в Московских духовных школах с 1971 года (Древнееврейский язык, Сравнительное богословие, Патрология, Догматическое богословие).
 С 1975 по 1983 года — секретарь Совета Академии, с 1983 — проректор по учебной работе.
 8 февраля 2004 года назначен на должность заведующего кафедрой богословия.

Учебные дисциплины:

Апологетика
 Богословие протестантизма
 Введение в философию
 Восточная патрология
 Греческая патрология
 Догматическое богословие
 История вероучительной мысли
 История религий
 История русской религиозной философии
 История философии
 История этических учений
 Катехизис

Католическое богословие
 Латинская патрология
 Литургическое богословие
 Нравственное богословие
 Основное богословие
 Патрология
 Религиоведение
 Сектоведение
 Славянская и русская патрология
 Сравнительное богословие
 Философия
 Философия религии

ЦЕРКОВНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КАФЕДРА

Заведующий: проф. прот. Владислав ЦЫПИН, доктор церковной истории.
 Образование: Филологический факультет МГУ, Московская духовная семинария, Московская духовная академия.
 Преподает в Московских духовных школах с 1984 года (Церковное право, История Русской Церкви, История Европы).
 8 февраля 2004 года назначен на должность заведующего церковно-практической кафедрой.

Учебные дисциплины:

Богослужебный устав
 Гимнография
 Гомилетика
 Действующее право Русской Православной Церкви
 Диакония
 Историческая литургия
 История богослужения в Болгарии и Сербии
 История богослужения Восточных Церквей
 История богослужения Древней Церкви
 История богослужения Западной Церкви
 История богослужения Русской Церкви
 История взаимоотношений Церкви и государства
 История византийского богослужения
 История литургии
 История русского церковного права
 История церковного пения

История чинопоследования таинств
 Источники русского церковного права
 Канонический корпус Православной Церкви
 Литургия
 Методика преподавания
 Миссиология
 Пастырское богословие
 Педагогика и психология
 Право Католической Церкви
 Правовой статус Русской Православной Церкви
 Правовые основы деятельности прихода
 Практическое руководство для пастырей
 Церковное искусство
 Церковное пение
 Церковное право
 Экономика прихода

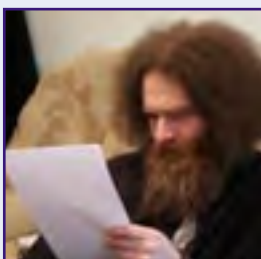
КАФЕДРА ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Заведующий: доц. СВЕТОЗАРСКИЙ Алексей Константинович, кандидат богословия.
 Образование: Филологический факультет МГУ, Московская духовная семинария.
 Преподает в Московских духовных школах с 1990 года (Общая церковная история, История Русской Церкви).
 8 февраля 2004 года назначен на должность заведующего кафедрой церковной истории.

Учебные дисциплины:

Византология
 Историография общецерковной истории
 Историография русской церковной истории
 История Древнего Востока
 История древнего мира
 История Древней Церкви
 История Древних Восточных Церквей
 История Европы
 История Католической Церкви
 История Поместных Православных Церквей

История протестантских церквей
 История России
 История Русской Церкви
 История Церкви Византийской эпохи
 История Церкви доникейской эпохи
 История Церкви эпохи Вселенских Соборов
 Источнико- и архивоведение.
 Общая церковная история
 Церковная археология

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ

Заведующий: прот. Леонид ГРИЛИХЕС.
 Образование: Московский инженерно-строительный институт.
 Преподает в Московских духовных школах с 1997 года (Древнееврейский язык, Священное Писание Ветхого Завета).
 8 февраля 2004 года назначен на должность заведующего кафедрой библеистики.

Учебные дисциплины:

Арамейский язык
 Библийская археология
 Библийская история Ветхого Завета
 Библийская история Нового Завета
 Библийское богословие
 Герменевтика
 Греко-еврейская литература эллинистической эпохи
 Древнееврейский язык
 Исагогика Ветхого Завета
 Исагогика Нового Завета
 История библеистики Ветхого Завета
 История библеистики Нового Завета

История библейских стран
 Кумранистика
 Палеография древнегреческого языка
 Палеография древнееврейского языка
 Переводы Нового Завета
 Раввинистическая литература
 Священное Писание Ветхого Завета
 Священное Писание Нового Завета
 Текстология Ветхого Завета
 Текстология Нового Завета
 Экзегетика

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

Заведующий: проф. КИРИЛЛИН Владимир Михайлович, доктор филологических наук.
 Образование: Филологический факультет МГУ, Московская духовная семинария.
 Преподает в Московских духовных школах с 1990 года (История древнерусской литературы).
 8 февраля 2004 года назначен на должность заведующего кафедрой филологии.

Учебные дисциплины:

Агиография
 Английский язык
 Древнегреческий язык
 История древнерусской литературы
 История славянского языка с палеографией
 Латинский язык
 Немецкий язык

Основы языкознания
 Риторика
 Современный русский язык
 Стилистика
 Французский язык
 Христианство и литература
 Церковнославянский язык

РЕГЕНТСКАЯ ШКОЛА

Регентская школа — специальное православное учебное заведение, готовящее руководителей церковных хоров для Русской Православной Церкви.

Регентская школа начиналась как отдельный класс для учащихся Московской духовной академии и семинарии, целью которого была подготовка регентов для студенческих певческих групп, поющих в Академическом храме. Положение о Регентском классе было утверждено в 1968 году, и в следующем уже начались занятия.

Среди первых выпускников был Симеон Димитров, ныне иерарх Болгарской Церкви — митрополит Доростольский Неофит. Первый выпуск Регентского класса, который

состоялся в 1972 году, почтил своим присутствием Святейший Патриарх Пимен. Глава Церкви тогда сказал: «Призываю благословение Божие на ваши труды и благодарю Николая Васильевича за столь прекрасный хор. Мне было очень приятно слушать ваше пение, тем более, что я знаю этот хор очень давно и вижу его весьма большой рост. Это, конечно, благодаря заботам отца Матфея и Николая Васильевича. И самое главное — это проявление любви к церковному пению со стороны всех вас, поющих. И да поможет вам Господь продолжать эти труды». Названный Святейшим Патриархом Пименом Н.В. Матвеев (1909–1992) был замечательным церковным регентом и боль-

шим энтузиастом регентского дела. Его имя стоит у начала регентского образования в Московской духовной академии.

Поскольку на приходе выпускникам Регентского класса в основном предстояло иметь дело со смешанными хорами, то для лучшей подготовки студентов был привлечён смешанный хор Троице-Сергиевой Лавры под управлением архимандрита Матфея.

В 1979 году по случаю десятилетия Регентского класса ректор Московской духовной академии архиепископ Дмитровский Владимир отметил: «Приходит время, и мы всё с большей отчётливостью начинаем осознавать, насколько в наши дни Церкви необходимы регента, способные ук-

расить богослужение, настроить людей на молитвенный лад, на волну, которая ведёт к общению с нашим Творцом, Богом и Спасителем».

Со временем встал вопрос о необходимости музыкальной подготовки для женского состава хора. И уже в 1983 году в XII выпуске наряду с мужской группой Регентский класс закончила и женская группа, состоявшая из 4 человек. В 1985 году по благословению Святейшего Патриарха Пимена Регентский класс был преобразован в Регентскую школу при Московской духовной академии. Основной состав учащихся стал женским. При этом было введено изучение ряда богословских дисциплин, необходимых для церковного образования.

Архимандрит Макарий в окружении первого смешанного хора

Вечер памяти П.Г. Чеснокова

«Лаврские соловушки»

Семинарский храм

Начались регулярные богослужения, на которых пели хоры Регентской школы: первоначально в Смоленском храме Лавры, а затем, с 1992 года, в семинарском храме во имя преподобного Иоанна Лествичника, находящемся в бывшей лаврской богадельне.

В 1992 году произошло преобразование учебного процесса Школы: переход с четырехлетнего курса обучения на трехлетний. Сегодня среди богословских предметов преподаются: библейская история, катехизис, нравственное богословие, история Русской Церкви, церковный устав, церковнославянский язык. Музыкальные занятия нацелены на то, чтобы дать учащимся основы профессиональных регентских знаний и навыков. К числу индивидуальных музыкальных дисциплин относятся занятия по вокалу, дирижированию и фортепьяно. Важным является курс истории и теории богослужебного пения, в

котором рассматриваются вопросы раннехристианской, византийской и древнерусской богослужебной практики, анализируются духовные произведения композиторов. Изучаются церковные гласы, подобны, монастырские распевы, древнее знаменное пение, песнопения церковных композиторов. Музыкальные учебные программы разработаны преподавателями Регентской школы — многолетними тружениками наивысшего церковно-музыкальной педагогики, кандидатами наук, выпускниками ведущих музыкальных вузов.

Значительно влияние выпускников Московской регентской школы в современной церковной жизни. Назовем некоторые имена ее выпускников. В 1975 году Регентский класс закончил иеродиакон Филарет (Карагодин), впоследствии ректор Академии (1982–1985), ныне епископ Пензенский. В Регентской школе уже более 20 лет

преподают протоиерей В. Янгичер, который окончил Регентский класс в 1981 году. Среди выпускников 1985 года можно выделить Кирилла Попова, ставшего регентом собора во имя Александра Невского в Софии. Церковнопевческое искусство возродилось в Тобольске благодаря трудам выпускника 1986 года, нынешнего епископа Барнаульского и Алтайского Максима. С ним вместе учился Алексей Тамберг, принявший затем монашество, известный по своим песнопениям архидиакон Роман (†1998).

В целом за всё это время было выпущено около 700 регентов, которые бережно сохраняют московские певческие традиции и несут свое церковное служение в монастырях, соборах и на приходах в различных епархиях Русской Православной Церкви. Предстательство преподобного Сергия, игумена Радонежского, незримо сопутствует трудам и начинаниям педагогов и

учащихся Регентской школы. Всё, что учащиеся получают в стенах Школы и Лавры: музыкальное образование, духовное воспитание, причастность к созиданию красоты церковной — будет служить для них неиссякаемым источником радости в дальнейшей жизни, посвященной служению Церкви.

В благодарственной речи одной из учениц на выпускном акте было сказано:

Нам предстоит нелегкая дорога,

И как нам важно ясно осознать:

Мы призваны всю жизнь хвалить и славить

Бога,

И всех людей к тому же призывать.

*Архимандрит Макарий
(Веретенников),
заведующий
Регентской школой*

ИКОНОПИСНАЯ ШКОЛА

Что такое пятнадцать лет для Академии с более чем трехвековой историей? Именно столько лет прошло со времени первого набора в Иконописную школу при МДА — и десять лет со дня первого выпуска. Но это время было наполнено творческим подъемом и горением духа... Открытие школы в 1990 году было встречено с большим энтузиазмом в церковных кругах. «Туда невозможно поступить» — разнеслось уже после первого набора. Конкурс и правда был большой. Но могло ли быть иначе, когда по всей стране великое множество разрушенных храмов ждало своих благоукрасителей, а школа явилась первым учебным заведением для иконописцев? Даже сейчас, когда возник целый ряд новых иконописных школ, отделений, кружков, многие едут поступать в школу «у Троицы». Здесь преподобный Сергей, и здесь же, в Троицком соборе, иконы преподобного Андрея Рублева, уникальное собрание древних икон в музее «Ризница» и Церковно-археологическом кабинете Академии.

Предшественником школы был иконописный кружок Академии, организованный в 1957 году подвижницей благочестия, известным иконописцем XX века монахиней Иулианией (Марией Николаевной Соколовой). Нескольким поколениям студентов Московских духовных школ она приоткрыла удивительный мир древней иконы, приобщив

Поставление в иконописцы

ла к углубленному изучению иконописной традиции. Под ее руководством студенты осваивали непростую технику иконописания. Позднее к ним присоединились и некоторые православные девушки — сотрудницы Академии.

В 1990 году по решению Священного Синода при МДА была открыта Иконописная школа. Ее преподавателями стали ученики и ученики учеников монахини Иулиании, а в основу преподавания иконописания положены выработанные ею методики и принципы. Первым заведующим школы был протоиерей Вадим Смирнов (ныне игумен Никон — настоятель Афонского подворья в Москве). При нем были набраны самые первые четыре курса, но первый выпуск школы состоялся при его преемнике. Им стал помощник

отца Вадима иеромонах — ныне игумен — Лука (Головков). Первыми дипломными работами школы стали иконы, написанные для Покровского храма Хотьковского женского монастыря. У мощей родителей преподобного Сергия — преподобных Кирилла и Марии — проходило первое посвящение выпускников в иконописцы. Впоследствии чин посвящения стал совершаться под сенью Троицкого собора Лавры. После молебна святым иконописцам над каждым выпускником читается особая молитва «на поставление в иконописцы».

За прошедшее со дня основания время школа претерпела существенные изменения. В 1999 году она перешла на двухступенчатую систему обучения — три года для всех учащихся и два дополнительных — для лучших.

Это связано не только с изменением учебного процесса, но с усложнением задач, стоящих перед иконописцами в наше время. Точнее сказать, насущные нужды Церкви привели к изменению учебного процесса. Несколько изменилась и методика преподавания, хотя принципы его и последовательность остались неизменными. Основой учебного процесса школы по-прежнему является практика музейного копирования, в последнее время заметно возросшая. Удивительно общение с древней иконой... «Утешаюсь сейчас тем, что каждую неделю езжу в Москву рисовать со старых икон, это мне столько придает бодрости», — в 1942 году писала в письме из Семхоза матушка Иулиания. Утешаются такой работой и наши студенты. Нужно заметить, что копирование в

музеях — это еще и тяжелый кропотливый труд, но именно он является надежным основанием последующей творческой работы. «Иконописи нужно учиться только через копирование древних икон, а не репродукций, в которых невидимое явлено в доступных для нас формах. Копируя икону, человек всесторонне познает ее и невольно приходит в соприкосновение с тем миром, который в ней заключен, постепенно начинает ощущать реальность этого мира, истинность данного образа. Потом постигает глубину его содержания, поражается четкостью форм и внутренней обоснованностью его деталей и поистине святой простотой художественного выражения. Но чтобы так понять икону, нужно время, и иногда довольно длительное...» (монахиня Иулиания). Сейчас уже стало

доброй традицией работа учащихся в Третьяковской Галерее, музеях Московского Кремля, Ярославля, Переславля-Залесского, Ростова, Кириллова, Суздаля, других собраниях. Большим подспорьем в работе является для студентов помощь музейных реставраторов и хранителей — беззаветно преданных своему делу людей. На занятиях в Иконописной школе студенты изучают богословские предметы, историю Церкви и церковного искусства, иконоведение и иконографию.

Полученные знания очень помогают при работе над созданием образов новопрославленных святых. Разработка новой иконографии ведется на старших курсах школы. Задача достаточно сложна — как, например, изобразить святого нового времени (XIX–XX веков)? Ведь икона — это не прос-

то портрет с нимбом, подлинные черты лица святого должны быть осмыслены в свете иконописной традиции, отражать особенность его жития. А как создать не имеющую аналогов житийную икону святого? С этими проблемами сталкиваются не только учащиеся, но и выпускники, работающие в мастерских при Школе. Появление удачных творческих решений является общей радостью. Так, на защите прошлого года была особо отмечена работа Екатерины Николахиной — житийная икона святителя Иоанна Тобольского. Житийная икона святителя уже была однажды написана в школе, но выпускница сумела по-своему переосмыслить этот образ. Цветовой строй иконы сложился под влиянием произведений Дионисия, и дипломнице очень помогло копирование его работы в Успенском соборе Кремля. Сейчас дипломная икона святителя Иоанна находится в храме архангела Михаила города Ноябрьска Тобольской епархии. Учащейся 3 курса Хатуной Хажомия в 2002–2003 году был создан образ святой Кетеваны, подаренный в 2004 году Святейшим Патриархом Алексием предстоятелю Грузинской Церкви. Несколько лет назад успешно работала в Японии над иконами для кафедрального собора города Токио сотрудница мастерской при школе, Валентина Глазовская. Совсем недавно, по просьбе настоятеля православного храма города Киото, ею была создана икона святителя Андроника Пермского. И это только несколько примеров того, как иконы, написанные в школе, обретают свое место в жизни

Свт. Андроник Пермский

не только Русской, но и Вселенской Церкви.

В этом году дипломники трудятся над иконостасом Свято-Троицкого храма Варницкого мужского монастыря, находящегося на родине Преподобного, что особенно отрадно для школы, расположенной в «Академии у Троицы», в обители аввы Сергия.

По окончании учебы некоторые студенты вступили в братию Троице-Сергиевой Лавры, иные подвизаются в монастырях Старого и Нового Афона, в Одесском мужском, Киржачском, Переславском, Самарском, Аносинском женских монастырях; трудятся в иконописных мастерских Москвы, Твери, Ельца, Нижнего Новгорода, Чебоксар, в других городах России, на Украине, в Грузии, Беларуси, Эстонии, Чехии, Словакии и Польше. Некоторые из выпускников стали преподавателями Иконописной школы, Свято-Тихоновского богословского института, Тобольской и Криворожской иконописных школ, Псковского и Слонимского духовных училищ.

*Лариса Узлова,
помощник заведующего
Иконописной школой*

ГРЕЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Традиционное духовное образование весьма трудно представить себе без латыни и греческого. Однако, в последнее время часто задается вопрос, стоит ли тратить изрядное количество сил на их изучение? Ведь богословскими науками будут продолжать заниматься далеко не все. К тому же, определенная часть святоотеческого наследия в настоящее время переведена на русский язык, а при поездке в Грецию, например, на Святую гору Афон, можно воспользоваться услугами переводчика. Что ответить на это? Замечательными ли словами профессора Московской духовной академии Сергея Ивановича Соболевского: «Без знания греческого языка также нельзя быть грамотным христианином, как грамотным русским без знания русского литературного языка...» И не только С.И. Соболевский, но и многие другие известные профессора нашей дореволюционной Академии, такие как Н.Ф. Каптерев, А.П. Голубцов, А.А. Спасский, И.Д. Андреев были убеждены в необходимости изучения языков, в том, что «без греческого языка развитие богословских и многих небогословских наук безусловно невозможно». Недаром сокрушается наш современник, писатель Василий Белов: «Знать бы звучную незаменимую латынь...»

Но не для одних новых переводов и самостоятельных путешествий студенты учат древние и современные языки. Перевод, даже самый хороший, — это только добрый советчик, но не ближайший друг, голос которого начинаешь узнавать и понимать с полуслова. Русского текста достаточно, чтобы познакомиться с мыслью автора, но всегда необходим оригинал, чтобы полностью усвоить ее живое движение, чтобы ощутить, по меткому

выражению профессора патрологии новомученика И.В. Попова, «тот живой дух, который веет в каждой строке». Об этом знает каждый, кто оказался способен уловить хотя бы несколько слов в бурном потоке незнакомой речи, кто стал вникать в ее гармонию и начал наслаиваться в соответствии с ней струны своей души.

Языки нужны не только чтобы постичь совершенно неведомое, но и для того, чтобы лучше узнать и понять давно

известное. Благодаря им открываются не только дальние широты, но и духовные высоты и глубины, живущие и в родном слове, но не всегда замечаемые по привычности.

* * *

Греческий кабинет при Московской духовной академии был учрежден по благословению архиепископа Верейского Евгения, ректора Московской духовной академии и семинарии в феврале 1998 года. В нем продолжились занятия новогреческим языком, начатые с 1993/94 учебного года известным филологом-неоэллинистом Виктором Григорьевичем Соколюком при содействии Киккского монастыря (остров Кипр) в лице игумена монастыря епископа Никифора и архимандрита Исаии. Последний с 1994 по 1997 год обучался в Московской духовной академии.

После преждевременной кончины В.Г. Соколюка (+21.VII.1997) преподавание новогреческого языка продолжил его сын Алексей Викторович, выпускник факультета иностранных языков Московского педагогического университета и философского факультета Государственного Афинского университета.

Одним из самых важных направлений деятельности Греческого кабинета стала организация регулярных занятий классическими языками. В на-

Архимандрит Исаия (Киккотис), декан богословского факультета Фессалоникийского университета
профессор Эконому, иеромонах Дионисий (Шпенев), А.В. Соколюк

стоящее время изучение древнегреческого и латинского языков продолжается в Семинарии от двух до четырех лет, в зависимости от успеваемости учащихся. Изучение латинского начинается уже со второго курса, греческого — на год позже. Такое опережение позволяет студентам приступить к более сложной греческой грамматике, уже обладая некоторым багажом универсальных знаний из области морфологии и синтаксиса. Пройдя базовый курс, студенты приступают к чтению оригинальных текстов из Священного Писания и святоотеческого наследия. Преподавание ведется с использованием методик и учебных пособий, разработанных специально для изучения классических языков в семинарии.

Помимо общеобязательных языковых дисциплин в Кабинете проводятся факультативные занятия разных уровней сложности как языковыми, так и другими филологическими и гуманитарными дисциплинами. Особенной популярностью среди учащихся пользуется новогреческий язык — ежегодно в группу записывается около тридцати человек, не только студентов Московских духовных школ, но и насельников Троице-Сергиевой Лавры.

В Кабинете ведутся и другие занятия, помогающие студентам глубже понять греческую духовную культуру. Так со второй половины 2003/04 учебного года здесь начал проводиться рассчитанный на несколько лет курс византийского пения под руководством Костаса Фотопулоса.

Преподаватели и студенты переводят учебные пособия и научные исследования, святоотеческие сочинения с древнегреческого, новогреческого и латинского языков, занимаются редакторской работой, принимают участие в подготовке справочника-указателя переводов святых отцов на русский язык.

Библиотека Кабинета насчитывает свыше трех тысяч книг и постоянно пополняется. Основной фонд библиотеки составляют книги по патрологии, византологии, новейшей истории Греции, классической филологии, а также языковые словари и энциклопедии, современная богословская литература, художественные произведения греческих и кипрских авторов. В основном он был сформирован благодаря поддержке Киккского монастыря, Афинской Архиепископии, Афинской академии наук, Патристического института при монастыре Влатадон, богословского факультета Фессалоникийского университета и других организаций.

Греческий кабинет поддерживает тесные связи с Грецией и Кипром, его сотрудники принимают участие в конференциях, в совместных культурных и образовательных проектах. В мае 2001 года во время своего официального визита в Россию Кабинет посетил архиепископ Афинский и всея Эллады Христул. Студенты, с отличием окончившие курс новогреческого языка, продолжают учебу и стажировку в Греции. Некоторые из них проходят языковую практику

от месяца до года на курсах, организуемых Институтом балканских исследований, программой «Ясон», Патрским университетом, ряд студентов учится на богословских факультетах Афинского и Фессалоникийского университетов.

На вопрос, нужно ли знать классические языки, каждый отвечает для себя самостоятельно. Насилие, впрочем, как и абсолютная свобода в учебном процессе едва ли допустимы. Так что многие студенты в той или иной мере учат сегодня так называемые «мертвые языки», которые все чаще и чаще, как видно по все

большему числу переводимых ими в качестве дипломных работ святоотеческих текстов, становятся все более живыми как для них, так и для возрождающейся русской богословской науки. Появилось ли у современных семинаристов стремление к более глубокому изучению языков? Быть может и так. Об этом свидетельствует то, что если ранее отстающие учащиеся, как правило, писали прошения об освобождении от языков, то ныне некоторые просят разрешения продолжить их изучение.

*Иеромонах Дионисий
(Шленов)*

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ

Современный мир — как большая кровоточащая рана. Изломанные судьбы детей, измученные трудностями души взрослых: общество в извечном стремлении к удовольствиям так и не замечает своей смертельной болезни. Войны, голод, аборт, наркотики, гибель тех, кого конституции всех стран называют высшей ценностью — гибель людей, предназначенных для Вечности.

Многие понимают опасность происходящего, пытаются что-то сделать, но разводят руками, сознавая свою беспомощность перед злом и не находя опоры. Но христианство приносит людям веру в торжество добра над злом. Оно сообщает всем радостную весть о Христе, о Его Воскресении, о

победе над грехом и смертью — победе, к которой может быть причастен каждый. Всем верующим не только дана возможность, но и заповедано быть свидетелями этой славной победы. Миссия как апостольство всегда являлась главной из обязанностей христиан. Она на все века — исполнение заповедей Христовой, которую Он дал Своим ученикам две тысячи лет назад: *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам* (Мф. 28, 19–20). Эти слова Спасителя раскрывают суть христианской проповеди, которая заключается в передаче не знаний и отвлеченных идеалов, а опыта Богообщения и жизни в Церкви.

И кому как не нам, — всем, кого Господь призвал тем или иным образом служить Ему: священникам и монахам, студентам духовных школ и мирянам — быть сегодня на этой невидимой передовой? Кому еще остается выходить *на распутья* (Мф. 22, 9), кто еще попытается достучаться до сердца ближних?

До революции и преподаватели, и студенты МДА осуществляли миссионерское служение,

действовало Пастырско-просветительское братство, и в 1999 году эта традиция была восстановлена: по благословию Высокопреосвященнейшего Евгения, архиепископа Верейского, при Московской духовной академии и семинарии начал свою работу Миссионерский отдел.

Божий Промысл в Отделе собрались студенты, которые не ограничиваются обычной учебной, богослужениями и послушаниями, но слышат в сердце постоянно задаваемый совестью вопрос: «А делаешь ли ты что-нибудь по-настоящему полезное?» Кроме стремления к личному благочестию, этот вопрос пробуждает в душе жажду делиться с окружающими тем, что наполняет тебя, а не хранить это в папке «для служебного пользования». И

жажда эта ведет в школы и техникумы, библиотеки и детдома, больницы и воинские части, направляет целые экспедиции в забытые всеми деревни за тысячи километров. Она вдохновляет придумывать игры, организовывать детские праздники, репетировать концерты, искать видеофильмы, составлять беседы — и идти со всем этим в мир, чтобы донести до человека любовь Бога к нему, вселить в его сердце веру и надежду.

Студенту, вступающему на непростой путь миссионерского служения, необходим как запас знаний, так и опыт жизни в Церкви, опыт борьбы со страстями. Ибо, по слову аввы Дорофея, «каждому доброму делу или предшествует, или сопутствует, или последует искушение». Выходя с пропо-

ведью к людям, учишься преодолевать внезапно возникающие трудности, ведешь борьбу со своими гордостью и тщеславием, которые нашептывают: «вот, ты удачно сказал, ты кого-то обратил». Здесь учишься жертвовать собой, своим временем, изживая из себя главного врага любви — эгоизм. Встречаясь с людьми, видишь их глаза, в которых отражаются их жизненные переживания, радости и горести, глаза, которые заметят любую фальшь и неискренность. Здесь каждое мгновение впитываешь драгоценное понимание ситуации: вот тут ты недоработал, а ведь мог все сделать, как следует; там самоуверенно решил, что все хорошо, а Господь вновь и вновь показал твою немощь. А над этой темой ты бился уже три или четыре занятия, и вот! — наконец-то был вразумлен, что и как надо сказать. А совесть продолжает спрашивать: «Поступаешь ли ты сам, как говоришь? Слова твои — не пустой ли и безжизненный звук?» Самое страшное, что за сухими словами «недоработал», «самоуверенно решил» стоят не цифры в отчете «был столько-то раз, присутствовало столько человек», а души. Души стайки детей из приюта, или двух десятков ПТУшников, а может быть, и целого зала взрослых. Души, которые, порой сами того не замечая, отчаянно ищут Вечности.

«Закон Божественный повелевает любить ближнего, как самого себя, — пишет блаженный Феодо-

рит Кирский. — А дело и долг любви — приобщить многих к своему богатству... Поскольку ты горячо любишь Сотворившего и Спасшего тебя Бога, то приведи к этой любви и многих других».

А как радостно бывает видеть плоды скромных усилий, умноженных Божией благодатью! Когда студенты приехали в расположение Российских миротворческих сил в Абхазии, командир одной из частей сухо поздравился и раздраженно пробурчал: «Вот, приехали — мешают только, теперь сопровождай их везде!» А, расставаясь через три дня, он благодарил со слезами на глазах: «Спасибо вам, сегодня вы для меня открыли Бога и Родину!» Или представьте себе вот эту трогательную речь учительницы одной из школ в Ульяновской области: «Вы знаете, после ваших слов и песен у меня на сердце такое счастье, что мне хочется верить в Бога и всех любить. Я хочу вас как-то поблагодарить, но единственное, что у меня есть — это мешок сахара! Возьмите его с собой в Лавру!»

Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу! (Пс.113, 9) — единственное, что здесь можно ответить.

*Свящ. Владислав Гусар,
Михаил Гуров,
2 курс МДС,
Алексей Котельников,
2 курс МДС*

БОГОСЛОВ.RU

Образовательный портал Учебного комитета Русской Православной Церкви наполнен уникальным содержанием: здесь регулярно публикуются статьи лучших современных богословов, церковных историков, преподавателей и аспирантов духовных вузов. Портал предоставляет официальную информацию о развитии системы духовного образования Русской Православной Церкви, о деятельности Синодальных учреждений, о развитии государственно-церковных отношений в сфере образования в России. Регулярно формируются тематические блоки по теме реформы системы духовного образования.

Также на портале размещены учебные программы духовных семинарий и академий; разработан раздел для абитуриентов духовных учебных заведений с унифицированными требованиями к поступающим в духовные семинарии и подготовительный интернет-курс с развернутой экзаменационной программой.

В каталоге портала собираются лучшие академические проповеди, формируется база дипломных работ и диссертаций по богословским дисциплинам. Огромный интерес посетителей вызовет рубрика «Вопросы-ответы» с интересными ответами студентов духовных учебных заведений на различные вопросы о богословии и духовной жизни, а также форум.

ОТДЕЛ ТЮРЕМНОГО СЛУЖЕНИЯ

Архимандрит Трифон, насельник Троице-Сергиевой Лавры

На пятом, выпускном, курсе Семинарии, в рамках предмета «Практическое руководство для пастырей», студенты слушают лекции по тюремному служению. Однако нет сомнения в том, что этот раздел невозможно изучить только в аудитории. Никакой учебник или даже самый талантливый преподаватель не сможет сделать так, чтобы студент, в первый раз придя на беседу с заключенными, был полностью уверен в своих силах и сумел провести ее «без сучка и задоринки». Без мучительно трудной практики, без «работ над ошибками» тут никак не обойтись.

Но не ради практикумов, а из внутренней сер-

дечной необходимости студенты Семинарии и Академии уже с 1990 года под руководством лаврских архимандритов Трифона, Никодима и Вонифатия начали посещать несовершеннолетних заключенных в следственном изоляторе Сергиева Посада¹, участвовать в отправке посылок заключенным, издавать приложение к журналу «Встреча» — «Встреча на перепутье».

В рамках сотрудничества с Обществом милосердия в тюрьмах «Вера, Надежда, Любовь» с 2000 года стали проводиться миссионерские поездки в места лишения

¹ Интервью с архимандритами Трифоном и Никодимом см.: «Встреча» № 14 за 2001 год.

свободы. За прошедшие 4 года их было совершено восемь: трижды в Новотроицкую подростковую воспитательную колонию (ВК) в республике Марий Эл, дважды — в Рязанскую девичью ВК, по одному разу студенты побывали в Арзамасской ВК, в женской колонии г. Козловка и в Бузулукской подростковой ВК.

К таким поездкам, которые продолжаются обычно две недели, требуется основательная подготовка: не только сбор одежды и медикаментов, икон и духовной литературы, но и тщательная разработка лекций и бесед, подбор видеокассет для показа заключенным и сотрудникам колоний. Иногда есть возможность проживания студентов вместе с заключенными, и тогда очень большое влияние оказывают совместные утренние и вечерние молитвы, короткие проповеди, постоянное общение, живой пример.

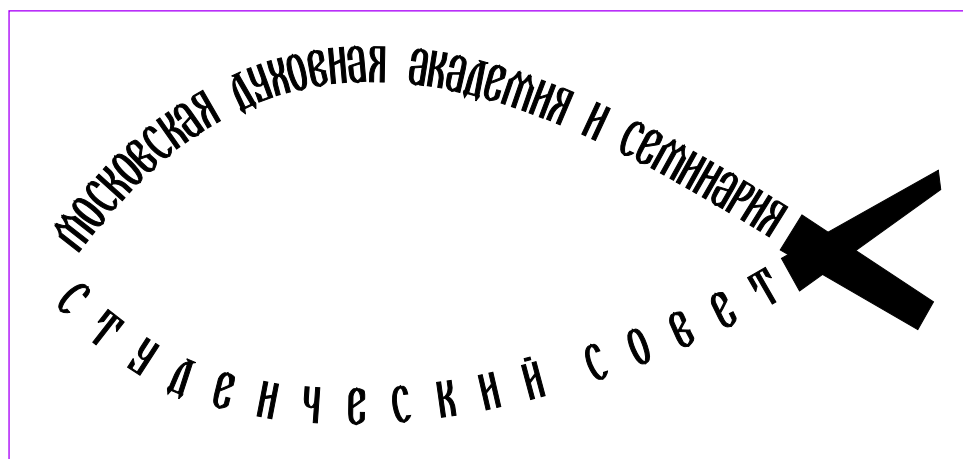
Хорошей подготовкой к длительным поездкам служат кратковременные выезды в московские следственные изоляторы, когда студенты и священнослужители МДАиС посещают «Матросскую Тишину», «Бутырку», женский СИЗО № 6 и подростковый СИЗО № 5.

Не только личное общение с заключенными, но и кабинетная работа в отделе писем Лавры доверена студентам и требует от них большого внимания и душевного напряжения. Ежемесячно приходит около 400 писем, 2/3 которых — из тюрем. В ответ надо отправлять посылки с необходимыми вещами, давать ответы на волнующие духовные вопросы. Для восполнения недостатка в систематическом обучении основам православной веры, который остро чувствуется заключенными, в Отделе тюремного служения ведется экспериментальное заочное преподавание предмета «Основы Православия». Этот курс рассчитан на три года обучения.

Дай Бог, чтобы по всей земле Русской при духовной поддержке пастырей и благочестивых мирян совершалось чудо, которое мы неоднократно видели собственными глазами: обретение людьми веры. Тогда они, как правило, не возвращаются на скользкий путь преступления, и вера в Бога научает людей благочестию, любви и состраданию.

Иеродиакон Никодим
(Шматько)

СТУДЕНЧЕСКИЙ СОВЕТ

В 2003/04 учебном году в Московских духовных школах произошло немаловажное событие: с декабря начал свою деятельность Студенческий совет МДАиС. Предысторией к этому послужило предложение семинаристов расширить преподавание патрологии в Семинарии и ввести ее не с пятого, а с третьего курса.

«Что ж, если студенты настолько активны, то можно попробовать использовать их инициативу, но только сделать это надо организованно», — решила администрация. За считанные дни на выборной основе был сформирован Студенческий совет из представителей всех курсов как Семинарии, так и Академии. В Совет вошли 18 человек, довольно равномерно представляющих всё студенчество. Чего же именно ожидали администрация и студенчество от этого новообразования? Всем хотелось настоящей семейности, реального теплого ощущения того, что все мы живем как одна «большая келья Преподобного». А в хорошей семье дети слышат не только слово «нельзя», но и на многие свои затеи получают одобрение. И то, что произошло, может быть, является реализацией лучших мечтаний семинаристов начала прошлого века.

Деятельность Студенческого совета началась с обращения к учащимся: «Дорогие отцы и братья! Пожалуйста, высказывайте свои предложения, но начинайте не со слов «Пусть нам сделают...», а со слов «Давайте мы сделаем...» И, как ни странно, это сработало! Ручейком потекли предложения организовать паломнические поездки, предоставить фильмы для показа в актовом зале, пригласить интересных людей в Академию... Та проблема, на которую сто лет назад семинаристы указывали как на причину упадка нравов — «отсутствие разумных развлечений» — и с которой справлялись, кто как умел, постепенно начала решаться совместными усилиями всей академической семьи с участием и помощью Лавры. Московские музеи радушно откликнулись и открыли свои двери для будущих пастырей, в Академии стали показывать не только фильмы про Иерусалим, Афон и православные святыни, но и старые добрые киноленты. Уважаемые гости с удовольствием приезжают в Лавру по приглашению студентов, поскольку могут быть заранее уверены в интересе к своим лекциям. Состоялась совместная поездка учащихся и преподавателей в Государственную Думу

Российской Федерации, чтобы лучше представлять себе, чем живут наши законодатели, как встречают неожиданно появившихся у них в гостях представителей Церкви.

Впрочем, настоящая семья собирается не только у телевизора или на пикнике, не менее важны для нее и разговоры о важных и трудных вещах, какие велись когда-то на советских кухнях. Такие разговоры начались и на нашей «кухне» в виде студенческих семинаров, начались со знакомства с разнообразием литургических традиций, представленных в Семинарии и Академии живыми носителями или хотя бы просто свидетелями. На таком собрании обращение присутствующего «в гостях» преподавателя к студенту: «коллега» — звучало особенно по-братски.

На собраниях Студсовета происходит обсуждение бытовых и учебных проблем, предлагаются способы их решения: своими силами или с помощью администрации. Поскольку каждый представитель Совета находится в тесном контакте со своим курсом, то таким образом получается, что всё студенческое братство, как один, участвует в устройении жизни Академии. Каждый член Студсовета понимает и старается донести до своих собратьев, что быть избранным в Совет — это не какая-то привилегия, не возможность «выбивать» из администрации льготы и послабления, а, наоборот, серьезнейшая ответственность. Ответственность за взаимопонимание и живую связь между студентами, преподавателями и администрацией. Ответственность перед Богом и Церковью за участие в возрождении духовного образования в России.

*Петр Королев, 4 курс МДС,
Председатель Студенческого совета*

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ СЕМИНАРИСТА

Наверное, каждый семинарист, общаясь с родственниками и друзьями, сталкивается с одним и тем же вопросом: «Ну, расскажи, как там у вас?» И повторяет в десятый и двадцатый раз один и тот же рассказ: распорядок дня такой-то, послушания такие-то... Эта статья — попытка хоть немного удовлетворить любопытство тех, кто пока слабо представляет себе, как живут семинаристы. Итак, вашему вниманию предлагается один типичный день из жизни студента Московской духовной семинарии.

Со звона будильника начинается утро почти каждого человека. Студенты Московской духовной академии и семинарии — не исключение. Первые звонки раздаются в пять утра — некоторые студенты встают на братский молебен у мощей преподобного Сергия Радонежского. Чуть позже просыпаются дежурные по столовой — ровно в шесть надо заступать на вахту и трудиться до вечера. Вместе с ними поднимаются и те, кто несет в этот день певческое или пономарское послушание.

В семь часов раздается общий звонок. Он возвещает подъем для всех остальных. Кто-то встает сразу после сигнала, чтобы не торопясь умыться и подготовиться к новому дню. Кто-то спит до последней минуты, чтобы потом, вскочив, плеснуть на лицо холодной воды, заправить кровать, накинуть китель и ровно в восемь быть в трапезной.

В ответ на призыв дежурного помощника ректора по воспитатель-

ной работе: «Отцы и братья, помолимся!» — раздается грохот отодвигаемых стульев. Утро студента начинается с утренних молитв, к которым относится и чтение священником евангельского зачала. Затем перед трапезой студенты дружно поют «Отче наш». Начинается завтрак.

Студенты и официанты разносят горячее, на столах — какие-то соленья или салат. Если сравнивать со столовыми московских вузов, то в МДАиС кормят очень неплохо, и даже в постные дни по благословению Святейшего Патриарха подается рыба.

После завтрака до занятий остается немного времени, и студенты вереницей отправляются в Троицкий собор. По сложившейся традиции день начинается с молитвы и испрашивания благословения у основателя обители. Семинария и Академия осознают себя частью большой кельи преподобного Сергия, игумена Радонежского, и его заступничество и помощь постоянно чув-

ствуются в учебе, на послушаниях, в духовной жизни.

В девять часов звенит звонок, и начинаются занятия. У каждого студента Семинарии и Академии есть не просто своя аудитория, но собственный письменный стол, где можно удобно обустроить рабочее место. Ненужно «путешествовать» с кучей тетрадок и книжек с занятия на занятие по различным аудиториям, как это бывает в светском институте. Все нужное находится под рукой. Если темно, можешь поставить себе настольную лампу. Все это помогает сберечь время и сосредоточиться на учебе. Да и как удобно и привычно заниматься на «своем» месте!

Перед каждым занятием и после него обязательно читается или поется молитва. Студенты не могут пропустить ни одного урока. Лишь тем, кто выполняет особые послушания, разрешается свободное посещение. Урок длится 70 минут, и он не прерывается переменной, как в

большинстве светских вузов.

Обычная пауза между уроками продолжается 15 минут, а после второго урока наступает большой двадцатиминутный перерыв. В это время для студентов в столовой приготовлен полдник. Обычно это чай, кефир или сок, печенье или хлеб с повидлом.

После полдника занятия продолжают до 14:30, а уже через 15 минут после звонка с урока наступает время обеда. Все студенты обязательно должны присутствовать на трапезах, особенно на обеде. Во время обеда дежурные помощники проректора делают необходимые общие объявления и назначают студентов на послушания.

Каким будет послушание, зависит от разных причин. Например, осенью главной задачей для всех становится заготовка овощей на зиму, и студенты отправляются на разгрузку фур с картошкой, луком и морковью. В другое время это может быть какая-то хозяйственная работа. Некоторые студенты помогают престарелым жителям Сергиева Посада, опекой которых занимается Духовная школа.

После обеда, если нет занятий, те, кто не был назначен на послушание, могут отдохнуть. Кто-то ложится поспать на часок, кто-то подшивает к кителю чистый подворотничок, кто-то стирает. После обеда обычно открывается компьютерный класс с доступом в интернет. Туда стремятся попасть многие, поэтому каждый студент имеет возможность порабо-

тать в интернет-классе не более часа в день.

В начале пятого начинаются спевки некоторых хором, на которые отправляются «поющие» студенты. Вскоре к ним присоединяются дежурные пономари — каждый первокурсник несколько раз в месяц проходит пономарскую практику в одном из храмов — Покровском Академическом или Семинарском преподающего Иоанна Лествичника. Некоторые студенты являются штатными пономарями храмов и это их постоянное послушание. Кроме того студенты несут множество других постоянных послушаний — кто-то в церковно-археологическом кабинете, кто-то в миссионерском отделе, в библиотеке или в редакции журнала «Встреча».

В 17:00 свободные от послушаний студенты идут в аудитории на самостоятельную подготовку. На самостоятельные занятия отводится три часа. Для студентов младших курсов посещение самоподготовки обязательно, и дежурный помощник может в любой момент заглянуть в аудиторию и проверить, кто из студентов на месте. В это время студенты выполняют домашние задания, готовятся к урокам, пишут сочинения. За полугодие их обычно приходится написать одно-два. Чаще всего это небольшие работы, если, конечно, студент не взялся разрабатывать специальную тему.

В предпраздничные дни студенты все до единого вместо самоподготовки направляются в храм на вечернюю служ-

бу. Богослужение ставится выше всех занятий и послушаний. По средам в 18:00 в Покровском храме поётся акафист Покрову Божией Матери, на который собираются все студенты.

В 20:00 начинается ужин, после которого у большинства свободное время (спевка хора или какое-то срочное послушание — вот, пожалуй, и все, что еще бывает после ужина). Кто-то, если на улице хорошая погода, отправляется гулять, кто-то доучивает невыполненный урок, кто-то смотрит телевизор в фойе актового зала.

К 22:00 часам все студенты собираются в храм на вечернюю молитву. После молитв очередной студент произносит проповедь перед своими братьями, затем все хором поют тропарь праздника или величание и расходятся по своим комнатам.

В 23:00 в Московских духовных школах объявляется отбой. Гаснет свет, все укладываются спать. Даже чтение с фонариком под одеялом является грубым нарушением, и «горящее» сочинение здесь не может быть оправданием. Не успел что-то сделать — вставай рано-рано утром. А пока что вся семинарская братия должна отдохнуть.

Так заканчивается еще один день Московских духовных школ. Заканчивается, чтобы дать место дню новому, с его привычным для всех звоном будильника.

*Антон Глозман,
2 курс МДС*

*Икона великомученицы царицы
Кахетинской Кетевани*

3 марта 2004 года

Московскую духовную академию посетил Святейший и Блаженнейший Патриарх всея Грузии Илия II. В Святых вратах обители Патриарха Илию с делегацией встречали наместник Лавры Преосвященный Феогност, епископ Сергиева Посада, с братией, и ректор Московских духовных школ Высокопреосвященный Евгений, архиепископ Верейский, с учащимися.

Приложившись к святым мощам Преподобного Сергия, Патриарх Илия обратился к собравшимся с первосвятительским словом и передал в дар обители икону святого великомученика Георгия Победоносца, а в дар Московской духовной академии — икону Пресвятой Богородицы. Затем Патриарх Илия II совершил в крипте под Успенским собором заупокойную литию у могилы Святейшего Патриарха Алексия I, который в 1959 году рукоположил будущего Патриарха Илию во священника. Затем грузинская делегация направилась в Московскую духовную академию, где осмотрела Покровский академический храм и Церковно-археологический кабинет.

На следующий день в Москве, в храме во имя святого великомученика Георгия Победоносца, что в Грузинах, после совершения молебна Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II принял в дар от Русской Православной Церкви икону великомученицы царицы Кахетинской Кетевани с вложенной частицей ее святых мощей. Икона была написана в 2003 году Х. Хажония — воспитанницей Иконописной школы при МДА. После перенесения в Грузию икона будет установлена в Тбилисском кафедральном Сионском соборе в честь Успения Божией Матери. (www.stsl.ru) ■

16 апреля 2004 года

Со дня архиерейской хиротонии Высокопреосвященнейшего архиепископа Верейского Евгения, Председателя Учебного комитета при Священном Синоде Русской Православной Церкви, ректора Московской духовной академии и семинарии исполнилось 10 лет.

Ко дню юбилея Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий направил архиепископу Евгению поздравительное слово, в котором сообщалось о награждении архиепископа Евгения орденом преподобного Сергия Радонежского II степени. Поздравления с юбилеем архипастырского служения в адрес владыки Евгения также направили руководители органов высшей государственной власти, общественных и религиозных организаций, сотрудники Учебного комитета, преподаватели и студенты Московских духовных школ. ■

16 апреля 2004 года

В пятницу Светлой седмицы на колокольню Троице-Сергиевой Лавры был поднят колокол «Царь» весом 72 тонны. Это самый большой в мире действующий: кремлевский «Царь-колокол», весом в 200 т., раскололся вскоре после отливки. «Царь» стал третьим большим колоколом воссоздаваемой лаврской звонницы: «Первенец» (27 тонн) и «Благовестник» (35,5 тонн) были подняты в сентябре 2002 года. Его предшественник, весивший 65 тонн (4000 пудов) был уничтожен зимой 1930 года вместе с другими 27-ю колоколами.

Освящение колокола совершил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Колокол был отлит на Балтийском судостроительном заводе в Санкт-Петербурге 18 сентября 2003 года и прибыл в Лавру накануне праздника Крещения Господня. Для его транспортировки ►

в Сергиев Посад использовался специальный трейлер, а путь от лаврских ворот до помощи возле Успенского собора колокол проделал на железных санях, которые с трудом двигали горный бульдозер и два тягача. Из-за значительных габаритов (высота «Царя» составляет 4,55 метра, а диаметр 4,5 метра) проемы колокольни и ворота в Лавру пришлось расширить.

Подъем колокола занял около часа. Духовенство во главе с Патриархом и почетные гости наблюдали с крыльца Трапезного храма за поднимаемым под звон лаврских колоколов гигантом. Всего в этот день монастырь посетило около 10 тысяч паломников и туристов.

Внешнее украшение «Царь-колокола» составляют барельефные изображения Пресвятой Богородицы, преподобных Сергия и Никона Радонежских, Максима Грека, Кирилла и Марии, Андрея Рублева, святителей Тихона Московского и Афанасия Ковровского и других чтимых святых. Надпись на колоколе гласит: «Во славу Всемогущаго Господа в Троице славимого милостию Пресвятыя Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, помощию святых преподобных от-

цев Сергия и Никона, в лето от сотворения мира 7511, от Рождества же по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 2003, при президенте России Владимире Путине, благословением Святейшего Алексия II, патриарха Московского и вся Руси и сея Лавры священноархимандрита, в память преждебывших благовестных колоколов, иже истреблению предашася, поруганней бывшей сей велицей святыни, создася колокол сей в Лавре Святыя Живоначальныя Троицы преподобнаго отца нашего Сергия, тщанием и радением наместника, преосвященнаго Феогноста, епископа Сергиевопосадского, и эконо-

мов архимандрита Георгия, игумена Алексия, попечением и вклады благотворителей/.../ Отлит же колокол сей в граде Санкт-Петербурзе, на Балтийском заводе, со звучанием еже согласно избраша первый регент сия Лавры архимандрит Матфей и старейший звонарь игумен Михай, звуковой же расчет очертаний содела Борис Июнин, литью же начальник бе Виктор Иванов и всех дел руководитель Виктор Дмитриев, убранство же всяко искусно исполниша Эдуард Ладыгин и Андрей Забалуев при участии Игоря Коновалова и все сие убранство колокола замыслу согласно братии Лавры». ■

16 мая 2004 года

Московскую духовную академию посетила делегация Русской Православной Церкви Заграницей во главе с митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским Лавром. В рамках первого официального визита Первоиерарха РПЦЗ члены делегации посетили столичные и подмосковные хра-

мы, монастыри, присутствовали на богослужениях и общались с русскими пастырями и паствой. Митрополит Лавр принял участие в церемонии закладки каменного храма в честь новомучеников российских на территории Бутовского полигона.

Важной частью визита стало посещение Троице-Сергиевой Лавры. После поклонения мощам игу-

мена Русской земли делегация присутствовала на богослужении в Успенском соборе. Затем состоялась экскурсия по храмам монастыря, Лаврской ризнице и Церковно-археологическому кабинету МДА.

В завершение пребывания в Троице-Сергиевой Лавре митрополит Лавр и другие члены зарубежной делегации встретились с преподавателями и учащимися Московских духовных школ. Встреча проходила в Актовом зале МДА и продолжалась больше часа. Вопросы, предложенные гостям, касались различных сторон жизни РПЦЗ, а также спорных моментов взаимоотношений между Церквями. Стоит отметить, что атмосфера встречи отличалась доброжелательностью и готовностью к конструктивному диалогу. ■

Материалы подготовил
Николай Солодов, 3 курс МДС

АКАДЕМИЯ

1. Ро - щи о - сен - ни - е, Бо - жий По - сад, Дом Пре - по - доб - но - го,
ке - лья сми - ре - ни - я, Лав - ры хрус - таль - ный Паф -
ну - ти - ев сад э - то всё ты, А - ка - де - ми - я!
Припев:
Вы - шли из дет - ства мы как из иг - ры, в храм вспо - ми - на - я ве - де - ни - е.
Ста - рец, за - чем нам грус - тить до по - ры мы рож - де - ны А - ка - де - ми - ей!

2. Главок сияние и купола,
Царских чертогов видения,
Пение, бдение, колокола —
Это всё ты, Академия!

Припев:

Вышли из детства мы как из игры,
В храм вспоминая введение.
Старец, зачем нам взрослеть до поры —
Будем детьми Академии.

3. Это над миром Небесный Покров —
Русской земли заступление.
Это не злиться, себя поборов,
Это всё ты, Академия!

Припев.

4. Вид со стены, за скользящий обрыв,
Плыть и парить бы, не зная падения,
В свет несказанный стремленья порыв,
В святость твою, Академия!

Припев.

5. Может быть, это бескрайние дали
Через века Преподобного зрения
Нам хоть частицу в залог передали
Веры твоей, Академия!

Припев.

6) Никнет в безмолвии слово «эпоха»,
Вопли лишь только доходят до слуха.
Но среди безумья, среди стонов и вздохов —
Слово тебе, Академия Духа!

Припев:

Кончились годы прекрасной поры,
Дни миновали учения.
Если хоть чуточку стали мудры —
Слава тебе, Академия!

Слова и музыка
архидиакона Романа (Тамберга)